

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ США, ЕС И КНР В ОБЛАСТИ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ НА ФОНЕ МЕЖДЕРЖАВНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

ВЯЧЕСЛАВ СУТЫРИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена сравнительному анализу подходов США, ЕС и КНР к политике содействия международному развитию (СМР) с учётом тенденций, проявившихся в начале 2020-х годов. Выявлены общие и особенные черты в деятельности каждого из субъектов, раскрыты ключевые факторы, определяющие трансформацию подходов в условиях геополитического соперничества. К общим характеристикам относятся стремление к комплексному воздействию, увязке экономических проектов с культурно-гуманитарным влиянием и безопасностью. В действиях западных игроков сохраняется ориентация на переформатирование общественно-политических структур целевых стран. Отчётливо проявляются тенденции секьюритизации, которые в случае Вашингтона демонстрируют признаки «вепонизации» СМР – размывания грани между военной помощью, военно-политическим целеполаганием и традиционным содействием развитию. Политика в сфере СМР испытывает растущее давление краткосрочных приоритетов усиливающегося геополитического соперничества. Китай, в отличие от западных стран, избегает навязывания своей модели развития и секьюритизации СМР. Пекин выдвигает новые глобальные инициативы, стремясь позиционировать их как альтернативу политике Соединённых Штатов в сфере СМР. Место «мягкой силы» в мире междержавного соперничества постепенно занимают более сложные и комбинированные формы внешнеполитического влияния, сочетающие в себе культурно-гуманитарные, дипломатические, геоэкономические и силовые инструменты, важнейшим невоенным ресурсом для которых остаются программы в сфере СМР. Растущее значение приобретают новые пространства соперничества, связанные с индустриально-технологической гонкой, в том числе в области энергетики, климата и цепочек поставок, влияющие на политику СМР. Возрастает роль культурно-гуманитарных инструментов влияния в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий воздействия на человека, расширением числа негосударственных участников международных отношений и ростом активности Китая на арене гуманитарного сотрудничества и борьбы, в рамках которой бросается вызов доминированию Запада в данной сфере.

Ключевые слова:

содействие международному развитию; великодержавное соперничество; помощь развитию; СМР; культурно-гуманитарное влияние; мягкая сила; дипломатия

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2023

Дата принятия к публикации: 18.12.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: slava.sutyurin@gmail.com

Одна из главных тенденций международных отношений с 2010-х годов — рост великодержавного соперничества на фоне изменения соотношения сил [Шаклеина 2022; Щербунов 2022]. Исследователи справедливо отмечают, что конкретные инструменты борьбы за доминирование и гегемонию, направленные на структурирование международной среды ведущими игроками, нередко остаются за рамками исследований [Истомин, Байков 2020]. Ситуация, сложившаяся к 2023 году, подталкивает мировых субъектов модифицировать подходы к внешнеполитической работе. Она высвечивает изъяны мирового порядка и соответствующие инструменты влияния.

Политика по содействию международному развитию (далее — СМР) выступает неотъемлемым компонентом межгосударственных отношений на протяжении более чем 70 лет [Morgenthau 1962]. Она активно используется ведущими игроками¹, всё глубже вовлекающимися в системное противостояние [Громыко 2022]. В этой сфере ярко проявляются новые техники соперничества и сталкиваются концепции мирового порядка, основанные на различных интересах и ценностях [Виноградов 2021].

Цель настоящей статьи — концептуализировать подходы к СМР в КНР, США и ЕС с учётом тенденций, наиболее полно проявившихся в начале 2020-х годов. Проверке подлежит гипотеза о том, что *СМР представляет собой комплекс инструментов по направлению и программированию развития целевых стран, но далеко не всегда с учётом национальных интересов реципиентов*. При этом СМР служит не только средством поддержки экспорта доноров, но и политического контроля и управления, включающего в себя сдерживание или корректировку развития затрагиваемых получателей помощи. В рамках этой политики, несмотря на возросшее значение военно-

силового компонента в соперничестве мировых субъектов, высока роль культурно-гуманитарного влияния, определяемого автором как комплекс целенаправленных мер воздействия на общество (социальные группы) зарубежной страны для корректировки её политического курса. Зачастую оно реализуется при помощи ресурсов СМР, выступая одним из стратегических элементов внешней политики.

Основным методом исследования выступает сравнительный анализ подходов Вашингтона, Пекина и Брюсселя. Он проводится на трёх уровнях: 1) управленческом — системы управления, концептуальные документы и базовые цели; 2) методологическом — уровень вмешательства во внутренние дела стран-реципиентов, базовые инструменты влияния, ресурсное обеспечение и проблема результативности; 3) трансформационном — реформы системы управления, новейшие изменения подходов и идеологических посылов. Временные рамки работы охватывают два последних десятилетия с акцентом на 2013–2023 годы как период обострения междержавного соперничества. Эмпирическая база включает в себя официальные заявления и документы в сфере стратегического, программного и операционного планирования, бюджетирования, реализации и внутреннего аудита СМР, статистические данные и отчёты международных организаций, в частности ОЭСР, и правительств, экспертные публикации и оценки.

СМР может быть определено как ресурсные потоки, реализующиеся официальными властями на льготных основаниях с декларируемой целью разрешения/ослабления социально-экономических проблем и уязвимостей зарубежных стран². Широкое подтверждение получил тезис о реализации этой политики преимущественно в интересах доноров, зачастую

¹ США, ЕС и КНР.

² Official development assistance (ODA) // OECD. URL: [https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm#:~:text=Official%20development%20assistance%20\(ODA\)%20is,of%20financing%20for%20development%20aid](https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm#:~:text=Official%20development%20assistance%20(ODA)%20is,of%20financing%20for%20development%20aid) (accessed: 20.10.2023).

преобладающих над нуждами реципиентов [Бартенев 2020; Содействие международному развитию 2018]. При этом изучение литературы позволяет выделить три главных пункта, по которым расходятся точки зрения представителей научного сообщества. Прежде всего, продолжается дискуссия о роли государства в развитии, где сталкиваются концепции неолиберализма и неозатизма [Chang 2002; Easterly 2003; Global Political Economy 2020]. Из неё вытекают дебаты между сторонниками планируемого сверху технократического пути развития [Sachs J. 2005] и спонтанно-рыночного, ставящего во главу угла политические права человека [Easterly 2014]. Первые выступают за постепенную трансформацию через сотрудничество с правительствами целевых стран, вторые — дистанцирование в отношениях с авторитарными режимами³. Наконец, продолжается парадигмальная дискуссия о том, способствует ли СМР закреплению глобального неравенства и контролю слабых государств сильными или играет позитивную роль как минимум в препятствовании распространению фундаментализма на периферии [Ray 1999; Sodre, Hespagnol 2022].

Эволюция изучаемого феномена прошла через несколько этапов. Доктрина помощи развитию была сформулирована США в начале 1950-х годов как замена колониальных практик, обещающих странам «третьего мира» процветание в обмен на принятие правил модернизации в стратегических интересах Вашингтона [Sachs W. 2005]. Её становление определяла логика «холодной войны», когда материальная помощь рассматривалась как необходимый элемент сдерживания или отбрасывания

коммунизма. Критики слева выдвинули тезис о «развитии недоразвитости», указывая на неспособность капиталистической системы приблизить периферийные территории к уровню стран ядра [Frank 1967].

В 1970-х годах концепция развития как прогресса начала уступать первенство идее обеспечения базовых нужд в связи с пределами роста [Meadows et al. 1972; Stewart 1985]. На фоне кризиса альтернативы в лице СССР в конце 1980-х годов планка ожиданий была вновь снижена в рамках «вашингтонского консенсуса», предписывавшего минимизацию государственного регулирования экономики. Реализация этого подхода в Африке, Латинской Америке и отчасти Восточной Европе оказалась губительной для многих стран. Не удалось выявить устойчивой положительной корреляции между помощью и развитием [Esteve 2018; Singer 1989].

В начале 2000-х годов были предложены так называемый поствашингтонский консенсус и понятие «должного/эффективного управления» (*good governance*) [The Global Third Way 2001]. При сохранении принципов рыночной либерализации целью стало фактически не прямое управление государственным аппаратом в странах-реципиентах через обеспечение прозрачности, строительство институтов, гражданское общество. В последующие два десятилетия ситуация развивалась в логике гибридных моделей, к одной из которых относят и китайский подход к СМР [McNally 2020]. Последний вообрал в себя советский опыт, но сократил идеологический компонент в пользу рыночной прагматики и ограниченной либерализации. Пекин дистанцировался от западного подхода и одновре-

³ Первую позицию иллюстрирует тезис бывшего президента США Уильяма Клинтона (1993–2001): «помощь дешевле, чем война» (*Clinton B. Aid "cheaper than war" // News24. 04.09.2006*). Вторую точку зрения отражает лозунг экономиста Уильяма Истерли: «Не надо помогать автократам, направьте помощь демократам» (*Easterly W. The flaw in Bill Gates' approach to ending global poverty // The Seattle Times. 24.03.2014. URL: <https://www.seattletimes.com/opinion/guest-the-flaw-in-bill-gatesrsquo-approach-to-ending-global-poverty/> (accessed: 05.08.2023)*). Вместе с тем США практически не перечисляли помощь напрямую зарубежным правительствам, используя в качестве операторов американские или международные организации. См.: *Kenny C., Morris S. Biden's Foreign Aid Is Funding the Washington Bubble // Foreign Policy. 06.05.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/06/us-foreign-aid-biden-build-back-better-world-development/> (accessed: 05.08.2023)*.

менно адаптировал западные концепции, не претендуя на универсальную альтернативу западной парадигме СМР⁴.

С 2000-х годов, несмотря на рост общих затрат на СМР, появлялись новые данные о снижении или отсутствии влияния помощи на решение проблем развивающихся стран [Морозкина 2019; Nowak-Lehmann et al. 2013]. Большинство исследователей признавало важность помощи в конкретных сферах, например в медицине. Вместе с тем так и не удалось доказать, что она является драйвером экономического роста⁵. Установлено, что в некоторых случаях западная помощь использовалась реципиентами для репрессий и ущемления прав человека [Darden 2020]. К началу XXI века неравенство в мире достигло исторически беспрецедентных уровней [Пикети 2016; Сакс 2022]. По ряду базовых показателей (например, бедность, недоедание) в конце 2010-х годов наблюдался рост негативных тенденций [Phillips 2020]. На этом фоне констатации о крахе идеологии развития сверху (developmentalism) не вызывают удивления [Power 2019]. В то же время ведущие игроки продолжали тратить на СМР всё больше денег, несмотря на замедление темпов роста расходов в 2010-х годах.

На этом фоне сегодня все больше явственно проступают контуры усиливающегося

соперничества США, ЕС и КНР за первенство в сфере содействия развитию. Эти процессы далее рассматриваются сквозь призму программных и институциональных аспектов, методов влияния и ресурсной базы, а также новейших трансформаций политики трёх игроков.

Концептуальные рамки, цели и институты

Политика Соединённых Штатов в области СМР официально подчинена приоритетам безопасности и закреплена в Стратегии национальной безопасности от 2022 г. как неотъемлемый элемент национальной мощи наряду с дипломатией, разведкой и обороной⁶. Основным оператором средств СМР выступает Агентство США по международному развитию (далее — *USAID*)⁷, которое во взаимодействии с Государственным департаментом координирует зарубежную помощь Вашингтона. В документе, посвящённом принципам сотрудничества *USAID* с Министерством обороны, отмечается «всё более важная роль [СМР] в продвижении приоритетов национальной безопасности наряду с обороной и дипломатией»⁸. Агентство рассматривается как «потенциальный мост между армией и НПО»⁹.

Американская модель СМР представляет собой конгломерат правительственных органов¹⁰ и надтерриториальных структур,

⁴ КНР подчёркивала, что, в отличие от США, не требует от получателей открытия внутреннего рынка и финансовой либерализации. Пекин обвинял Вашингтон в использовании этих требований в своих стратегических интересах. См. подробнее: US Hegemony and Its Perils February 2023 // Report of the Ministry of Foreign Affairs of PRC. 20.02.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230220_11027664.html (accessed: 25.05.2023).

⁵ С этим утверждением соглашаются и филантропы, например Билл Гейтс, основатель крупнейшего в мире филантропического фонда. См. подробнее: 2014 Gates Annual Letter // Bill & Melinda Gates Foundation. URL: <https://www.gatesfoundation.org/ideas/annual-letters/annual-letter-2014> (accessed: 15.06.2023).

⁶ National Security Strategy // The White House. 11.10.2022. P. 11. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.07.2023).

⁷ Организация признана нежелательной в России.

⁸ USAID Policy on Cooperation with the Department of Defense. P.1. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID%20Policy%20on%20Coop%20with%20DoD%20v6%20FINAL-date.pdf> [дата обращения: 10.05.2023].

⁹ Ibid. P. 5.

¹⁰ В реализации СМР участвуют еще около 20 государственных ведомств США, в том числе Пентагон, Корпорация по финансированию международного развития, Корпорация «Вызовы тысячелетия», министерства энергетики, сельского хозяйства, здравоохранения, армии и флота. Бюджеты СМР утверждает Конгресс.

включающих в себя глобальные рынки и финансовые потоки, корпорации, медиа и филантропические фонды [Сутурин 2022]. На вершине этой непрозрачной иерархии, похожей на сетевое облако влияния, находятся узкие транснациональные элитные группы в виде советов попечителей, включающих чиновников, крупный бизнес и академическое сообщество.

Президентство Дональда Трампа (2017–2021) показало, что эта отрасль лишь отчасти подконтрольна администрации США и способна сопротивляться её политической воле. Попытки 45-го президента реформировать американскую политику в сфере СМР, остановив программы продвижения демократии и на треть сократив финансирование отрасли, потерпели неудачу (табл. 1). При этом основные источники финансирования содействия международному развитию остались государственными.

Институциональный дизайн американской политики испытывает на себе растущее влияние императива геополитического соперничества с КНР. В 2019 г. была учреждена Корпорация по финансированию международного развития Соединённых Штатов с целью «обеспечения стран действенной альтернативой инвестициям авторитарных правительств и стратегических конкурентов США»¹¹. Корпорация изначально нацеливалась на конкуренцию с Китаем [Regilme, Hodzi 2021] за высокотехнологичные рынки в интересах нацио-

нальной безопасности¹². Она стала использоваться среди прочего как инструмент для передела геоэкономических сфер влияния в Восточной Европе в области газовой и атомной энергетики¹³, в том числе в рамках инициативы «Три моря»¹⁴.

USAID и Государственный департамент в 2023 г. утвердили следующие приоритеты СМР: поддержка Украины и других постсоветских стран против России, обновление глобального лидерства США и отношений с партнёрами для противостояния Пекину и Москве, борьба с климатическим кризисом, обеспечение американского лидерства в глобальном здравоохранении и международных организациях, продовольственная безопасность, цифровизация, демократизация для борьбы с авторитаризмом¹⁵.

Параметры политики Европейского Союза¹⁶ в сфере СМР были заданы Глобальной стратегией ЕС, Новым европейским консенсусом по вопросам развития и приоритетами Европейской комиссии. На период 2019–2024 годов речь идёт о плане по декарбонизации экономики ЕС («зелёной сделке»), цифровизации, экономическом развитии (ставка на молодёжь и малый бизнес), укреплении глобальной роли интеграционного объединения, продвижении европейского образа жизни и демократизации¹⁷. В документе постулируется, что «привлекательность ЕС» способствует трансформации других стран. Вместе с тем заявленные результаты уже при-

¹¹ S.2463 – U.S. Congress BUILD Act of 2018 // US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bills/115th-congress/senate-bill/2463/text> (accessed: 30.05.2023).

¹² U.S. International Development Finance Corporation Begins Operations. January 2, 2020. URL: <https://www.dfc.gov/media/press-releases/us-international-development-finance-corporation-begins-operations> (дата обращения: 30.05.2023).

¹³ DFC Chief Climate Officer Jake Levine Testimony to House Committee on Foreign Affairs // DFC. 16.06.2017. URL: <https://www.dfc.gov/media/speeches-testimony/dfc-chief-climate-officer-jake-levine-testimony-house-committee-foreign> (accessed: 30.05.2023).

¹⁴ Инициатива «Три моря» предложена Атлантическим советом при НАТО, чтобы теснее связать страны Балтийского, Чёрного и Адриатического морей в вопросах логистики, энергетики и продовольствия. Тем самым старая геополитическая концепция «Междуморья» дополняется Балканами. Подробнее см.: Three Seas Story. URL: <https://3seas.eu/about/threeseasstory> (accessed: 30.05.2023).

¹⁵ U.S. Department of State and U.S. Agency for International Development FY 2023 Budget Request. Fact Sheet // U.S. Department of State. 28.03.2022. URL: <https://www.state.gov/u-s-department-of-state-and-u-s-agency-for-international-development-fy-2023-budget-request/> (accessed: 10.05.2023).

¹⁶ Здесь и далее речь идёт об органах ЕС, а не о государствах-членах.

¹⁷ The European Commission's priorities for 2019-2024 // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024_en (accessed: 14.05.2023).

знаются недостаточными. Для того чтобы «бороться со сверхдержавами», необходима не только «мягкая сила», но и укрепление обороны и безопасности, в том числе за счёт расширения ЕС¹⁸.

Администрирует политику интеграционного объединения в сфере СМР Генеральный директорат международных партнёрств Европейской комиссии, курирующий планирование, реализацию и мониторинг в этой области из средств общеевропейского бюджета, а также Европейская служба внешних связей (ЕСВС), осуществляющая общую координацию. Делегации Европейского Союза, подчинённые ЕСВС, претворяют в жизнь локальные проекты СМР в странах пребывания. Крупные международные проекты курирует Европейская комиссия. Сложность системы возрастает в связи с разделением суверенитета и необходимостью совместной работы, местами переходящей в конкуренцию, между институтами ЕС и государствами-членами, проводящими собственную политику [Бартенев 2020]. Это обстоятельство обуславливает постоянную борьбу наднациональной бюрократии за сохранение и расширение своих полномочий, не исключая настойчивое акцентирование внешних угроз.

После 2014 г. ЕС создал ряд институтов, позиционируемых как средство противодействия российской дезинформации. На практике эта политика означала постепенное перепрограммирование зарубежной культурно-гуманитарной инфраструктуры, направленное на ущемление российских интересов в странах-реципиентах. В 2019 г. были провозглашены геополити-

ческие приоритеты нового состава Европейской комиссии, а комиссар по международным партнёрствам, курирующая СМР, заявила о намерении вносить вклад в «геополитические амбиции» объединения¹⁹.

В отсутствие европейской армии содействие международному развитию стало основным ресурсом внешнеполитического влияния Брюсселя наряду с доступом к рынку ЕС и перспективой членства для ряда соседних стран [Youngs, Zihnioglu 2021]. Цели этого влияния — включение новых территорий в европейский рынок на выгодных для интеграционной группировки условиях, упорядочивание и ограничение миграционных потоков, укрепление международного статуса объединения. Логика СМР заключается в экспорте норм и стандартов ЕС в зарубежные страны в области правового регулирования, производства, культуры, политики и управления, что повышает конкурентоспособность и политическое влияние Брюсселя²⁰.

В отличие от сложившихся американского и европейского подходов к организации СМР, китайская система управления находится в процессе реформирования. Оно связано с перенастройкой целеполагания, задаваемого в программных заявлениях руководства государства и пятилетних планах. Упор переносится с экономического прагматизма предшествующих десятилетий на политические и культурно-гуманитарные задачи. В КНР сформировался конгломерат из нескольких десятков государственных учреждений под общим руководством Государственного совета, включивший в себя профильные мини-

¹⁸ Shared Vision, Common Action: a Stronger Europe: a Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. 60 p. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 05.08.2023).

¹⁹ Geopolitical Commission builds on International Partnerships. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/news-and-events/stories/geopolitical-commission-builds-international-partnerships_en (accessed: 14.05.2023).

²⁰ Верховный представитель ЕС Жозеп Боррель в своём выступлении в ноябре 2021 г. красноречиво сформулировал этот принцип: «Социально-экономические структуры, труд, баланс сил в мире изменятся. Мы, западные народы, США и ЕС, управляли миром, потому что мы устанавливали нормы и стандарты, мы властвовали над тем, как работали технологии. ... если мы не сможем больше устанавливать нормы и стандарты, мы не будем править в XXI веке» (J. Borrell's Address at Global Progressive Forum. Official Account of Foundation For European Progressive Studies. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CVNR-ZuXlyM> (accessed: 14.04.2023)).

стерства, механизм межведомственной координации, государственные банки и исследовательские центры. До конца 2010-х годов в системе доминировали экономические ведомства при ведущей роли Министерства коммерции, борющегося за влияние на СМР с МИД [Zhang, Smith 2017]. Содействие международному развитию рассматривалось в основном как льготные связанные кредиты²¹ и проекты «под ключ» в сфере добычи полезных ископаемых и физической инфраструктуры, дающие прибыль как реципиентам, так и донору.

Наращивание «мягкой силы» и экспорта культуры активно обсуждалось в стране более 20 лет. В 2007 г. соответствующую задачу поставил XVII съезд Коммунистической партии Китая (КПК) [Ломанов 2017]. Тем не менее они до 2013–2014 годов не встраивались системно в политику СМР. После прихода к власти Си Цзиньпина внимание к гуманитарным компонентам внешней политики возросло²². Они начали активно внедряться в работу по линии СМР, изменились приоритеты: чаще стало использоваться понятие дискурсивной силы. Речь шла о формировании комплексных культурно-гуманитарных продуктов — от нарративов и образов до технических стандартов²³. Имелась в виду привязка других стран к техноэкономической и социокультурной платформе КНР. Долгосрочной задачей этой деятельности эксперты считают «разрушение гегемонии западного дискурса» [Ломанов

2017]²⁴. Схожие тенденции стали наблюдаться и в работе китайских мозговых центров [Маслов 2021].

На официальном уровне эволюция китайского СМР была осмыслена как путь из трёх этапов: 1) первые зарубежные проекты для «прорыва западной блокады»; 2) крупные производственные и строительные программы для выхода китайского бизнеса на глобальный уровень; 3) превращение содействия международному развитию в важный стратегический инструмент внешней политики Пекина с фокусом на работе с обществом в странах-получателях помощи²⁵.

В 2015 г. по инициативе Председателя КНР Си Цзиньпина были учреждены Фонд содействия сотрудничеству «Юг–Юг» и Центр международных знаний о развитии для изучения новых моделей и методов оказания международной помощи. В 2016 г. на базе Пекинского университета был образован Институт сотрудничества и развития «Юг–Юг» для трансляции китайского опыта и стандартов управления иностранным чиновникам, учёным и экспертам. К 2022 г. обучение в магистратуре и аспирантуре института прошли более 300 чиновников из 67 стран мира²⁶.

Масштабирование китайских программ СМР, расширение спектра задач и запуск инициативы «Пояс и путь» потребовали усиления координации. С этой целью в 2018 г. было основано Китайское агентство по сотрудничеству в сфере международного развития (далее — CIDCA), обе-

²¹ Связанный кредит предполагает обязанность заёмщика не только своевременно выплатить всю сумму и проценты по кредиту, но также выполнить ряд дополнительных условий, например привлечь к реализации проекта подрядчиков со стороны кредитора, приобрести у него материалы и т.д.

²² Отдельные шаги по укреплению человеческого измерения в рамках СМР в Китае начали предприниматься в 1990-х годах с развёртыванием программ краткосрочных стажировок в КНР. См. подробнее: [Sun et al. 2021].

²³ Анализ растущего внимания правительства КНР к влиянию на глобальные технические стандарты, в том числе через СМР и «Пояс и путь», выходит за рамки настоящей статьи. См. подробнее: [Rühlig 2023].

²⁴ Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР // Аналитический доклад ИМИ. М.: МГИМО, 2022. 23 с.

²⁵ China's Foreign Aid and International Development Cooperation in a COVID-19 Pandemic World // China Daily. 20.12.2021. URL: subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-06/14/c_770501.htm (accessed: 20.05.2023).

²⁶ Luo Zhaohui. Address by CIDCA Chairman at 3rd China and International Development Forum // China Daily. 12.05.2022. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-12/05/c_836526.htm (accessed: 10.05.2023).

спечившее разработку стратегии, планирование и оценку СМР. Создание нового органа, подведомственного МИД, способствовало более тесной увязке содействия развитию с задачами китайской внешней политики. Учитывая сложный конгломерат китайских ведомств в этой сфере с преобладанием экономического блока, CIDCA стало лишь первым шагом на пути масштабных реформ по повышению координации, эффективность которого ещё предстоит оценить [Wu, Zhang 2021].

Китай выстраивал политику СМР, декларируя принцип невмешательства во внутренние дела государств, идеологически отстраняясь от лейтмотивов неоколониализма и стремясь позиционировать себя как лидера развивающегося мира и глобализации — более сбалансированной и устойчивой по сравнению с американоцентричной моделью [Ye 2022]. В основу китайского подхода легла иная трактовка прав человека: в отличие от западного приоритета гражданских и политических прав, Пекин постулировал приоритет социальных и экономических прав [Ломанов 2022]. При этом политическим условием сотрудничества остаётся принятие принципа одного Китая (то есть непризнание Тайваня).

Уровни координации (слаженности функционирования) институтов СМР, как и идеологические платформы рассматриваемых субъектов, заметно различаются. В США, несмотря на громоздкость системы, она замкнута на внешнеполитическом блоке под руководством Государственного департамента. В ЕС в связи со сложным процессом согласования национальных и наднациональных компетенций быстрая координация усилий затруднена. Китайская система находится в процессе реформирования с целью повышения уровня скоординированности. Новый баланс будет определён по итогам перераспределения полномочий

между экономическим и внешнеполитическим блоками правительства в пользу последнего. Идеологический компонент целеполагания СМР Соединённых Штатов на платформе «противостояния между демократиями и автократиями» служит сплочению их геополитического блока. Он задаёт ориентиры для работы многочисленных государственных органов и НПО, но недостаточно апеллирует к незападному миру. Европейский Союз нацелен на продвижение своих социально-экономических стандартов посредством укрепления геополитического влияния, особенно в соседних странах. Китай обращается к незападному миру, выдвигая идею более сбалансированной и устойчивой версии глобализации.

Методы, ресурсы и проблема оценки результатов

Затраты на СМР с 2000-х годов существенно возросли: в США — более чем в два раза, в ЕС — более чем в три раза, в КНР — более чем в пять раз (табл. 1). Основной скачок пришелся на первое десятилетие XXI века, после кризиса 2008–2009 годов темпы прироста заметно снизились.

Таблица 1
Финансирование программ в сфере СМР
в 2003–2022 годах,
постоянные цены, млрд. долларов США

Год	США	Евросоюз	КНР
2003	16,3	7,1	0,8
2013	31,3	17,5	5,2
2019	33	15,3	6,8
2020	35,4	21	6,2
2021	47,5	20,6	н/д
2022	55	27,6	н/д

Источник: составлено автором на основе официальных данных национальных правительств, ОЭСР и экспертных оценок²⁷.

²⁷ Данные по США и ЕС приведены на основе статистики ОЭСР. См. подробнее: OECD.Stat // Official Development Assistance. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=Table2A#> (accessed: 25.06.2023)). В случае Китая приводятся экспертные расчёты, так как официальная информация публикуется фрагментарно. См.: Kitano N., Miyabayashi Y. Estimating China's Foreign Aid: 2019–2020 Preliminary Figures. Tokyo: JICA Ogata Sadako Research Institute for Peace and Development, 2020. 23 p. В наиболее свежем официальном документе правительства КНР от 2021 года

Соединённые Штаты удерживали первенство по бюджетам на реализацию программ содействия международному развитию среди всех мировых игроков. Их финансово-экономическая модель СМР оставалась тесно связана с политическими целями, включая вмешательство во внутренние дела государств–получателей помощи. Концепция «отбрасывания коммунизма»²⁸ после роспуска СССР превратилась в «продвижение демократии» в мире как средство обеспечения национальной безопасности (гегемонии) страны²⁹. Эта сфера деятельности традиционно рассматривалась руководством США как один из инструментов смены режимов или консолидации проамериканских сил. В структуре *USAID* были созданы подразделения, призванные реагировать на соответствующие «окна возможностей». Например, Офис транзитных инициатив (ОТИ), финансировавший белорусскую оппозицию после протестов 2020 года, «демократические силы» в Молдавии и на Украине после 2014 года³⁰.

Экономическое развитие зарубежных стран даже на декларативном уровне не обозначалось приоритетом американской программы, уступая место национальной безопасности и продвижению ценностей. Ряд исследований показал, что помощь США не приводила к устойчивому экономическому росту и сокращению бедности в целевых странах³¹. Административно-бюджетное управление администрации президента опубликовало в 2004 г. отчёт по результатам оценки реализации программ СМР США за 40 лет. Было установлено, что «помощь [Вашингтона] принесла слабые результаты в сфере экономического развития». При этом 34 страны, получившие поддержку Соединённых Штатов, «стали не сильно ближе к устойчивому экономическому росту, чем были до начала оказания помощи»³². Несмотря на обоснованные сомнения в социально-экономической пользе для целевых стран, политика СМР позволила Вашингтону решать широкий спектр коммерческих и полити-

расходы на международную помощь с 2013 по 2018 г. оценены на уровне 127 млрд юаней (около 20 млрд долларов США), или в среднем около 4 млрд долларов в год. См. подробнее: China's International Development Cooperation in the New Era. Beijing: China's State Council Information Office, 2021. 45 p. Эксперты полагают, что данная статистика включает только трансферты по линии Министерства коммерции и «Эксимбанка», не учитывая другие ведомства страны, а также трансферты международным организациям. См.: *Grimm S. et al. Transparency of Chinese aid: An analysis of the published information on Chinese external financial flows*. London: Centre for Chinese Studies at Stellenbosch University, 2011. 42 p.; *Kitano N. China's Foreign Aid: Entering a New Stage*. URL: https://www.mof.gov.jp/pri/research/seminar/fy2018/ws20180613_01b.pdf (accessed: 30.05.2023).

²⁸ USAID History. URL: <https://www.usaid.gov/about-us/usaid-history> (accessed: 30.05.2023).

²⁹ По экспертным оценкам, за период 1985–2009 годов только на прямое финансирование демократизации Вашингтон потратил более 60 млрд долларов. См.: *Carothers T. Revitalizing Democracy Assistance. The Challenge of USAID*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2009. 60 p. Этот уровень расходов сохраняется и сегодня: на поддержку демократизации в 2024 г. администрация Джозефа Байдена запросила у Конгресса 2,8 млрд долларов. См. подробнее: Statement by Administrator Samantha Power on the President's Fiscal Year 2024 Budget // USAID. URL: <https://www.usaid.gov/news-information/press-releases/mar-09-2023-statement-administrator-samantha-power-presidents-fiscal-year-2024-budget> (accessed: 30.05.2023).

³⁰ USAID Transition Initiatives Account. Annual report to Congress for Fiscal Year 2023. November 2023. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-12/OTI%20FY%202023%20TI%20Report%20to%20Congress.pdf> (accessed: 30.05.2023).

³¹ *Dale H. State of decay* // Washington Times. 19.12.2007. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2007/dec/19/state-of-decay/> (accessed: 05.08.2023).

³² Rethinking foreign assistance. U.S. Office of Management and Budget, 2004. Американским институтом предпринимательства давались более прямые оценки: «Общепризнано, что программы [международной помощи] окончились неудачей. Государства-реципиенты притворялись, что реформировались, доноры притворялись, что наказывали их, а нищета тем временем усугублялась». См. подробнее: Can indicator-based competition make foreign aid work? // American Enterprise Institute. 2007. URL: <https://www.aei.org/events/can-indicator-based-competition-make-foreign-aid-work/> (accessed: 30.05.2023).

ческих задач. К началу 2020 г. 40% американской помощи развитию, выделяемой на двустороннем уровне, было прямо связано с закупкой американской продукции и услуг, что в два раза превышало средний уровень данного показателя для стран ОЭСР³³.

Большая часть программ помощи США реализуется на местах посредниками: НПО, вузами, бизнес-компаниями за счёт контрактов с американским правительством³⁴. Основную часть средств получают организации, находящиеся в юрисдикции Соединённых Штатов, и связанные с ними контрагенты. Представление об этой доле давала цель в Стратегии национальной безопасности от 2022 года — не менее 25% средств *USAID* должны получать местные партнёры³⁵. Свежие подсчёты показывают, что зарубежные правительства получают напрямую менее 5% от общих объёмов СМР США³⁶.

Средства ЕС обычно выделяются несколькими траншами с ежегодной оценкой Брюсселем выполнения взятых страной-получателем обязательств. Основными получателями выступают правительства целевых стран при вспомогательной роли европейских НПО. Как видно из отчётов аудиторов, коррупционные факторы не останавливали помощь, формируя тем самым возможности извлечения ренты местными элитами. В перечень обяза-

тельств, как правило, входило открытие рынка на условиях Брюсселя и политическая переориентация на Европейский Союз (внедрение европейских норм и стандартов, присоединение к санкциям ЕС), что усиливало конкурентоспособность европейского бизнеса. Таким образом, идеальным реципиентом помощи интеграционного объединения выступало не слишком самостоятельное и устойчивое, но предсказуемое правительство, неспособное к серьёзной концентрации ресурсов, что в противном случае создало бы экономических конкурентов и затруднило не прямое внешнее управление со стороны Брюсселя³⁷.

Благодаря культурно-гуманитарным программам Евросоюз расширил возможности привлечения зарубежных кадров, влияния на приоритеты научно-технологического и общественного развития целевых стран. Последнее обеспечивалось за счёт выделения грантов и адвокати́рование³⁸ со стороны НПО, медиа и экспертных сетей, культивируемых ЕС. Подобная политика позволила формировать зависимые от европейского финансирования местные элитные группы и контроллёты, лоббирующие интересы Брюсселя вплоть до участия в протестах [Burlyuk, Shapovalova 2017; Гаман-Голутвина и др. 2014].

Проблемы неэффективности и коррупции в сфере СМР нередко попадали

³³ Statistics on resource flows to developing countries // OECD. Updated on 22.12.2022. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/statistics-on-resource-flows-to-developing-countries.htm> (accessed: 30.05.2023).

³⁴ *Morgenstern E., Brown N.* Foreign Assistance: An Introduction to U.S. Programs and Policy // Congressional Research Service. 10.01.2022. 38 p. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40213> (accessed: 15.08.2023).

³⁵ National Security Strategy // The White House. 11.10.2022. P. 46. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.07.2023).

³⁶ *Kenny C., Morris S.* Biden's Foreign Aid Is Funding the Washington Bubble // Foreign Policy. 06.05.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/06/us-foreign-aid-biden-build-back-better-world-development/> (accessed: 15.08.2023).

³⁷ Точную оценку этому феномену в его генезисе ещё в конце 1990-х годов дал А.Д. Богатуров, анализируя расширение НАТО и европейских интеграционных структур на Восток, в процессе которого «стали культивироваться слабые и неустойчивые посттоталитарные плюралистические режимы рыночной ориентации» [Богатуров 1999].

³⁸ В настоящей статье данный термин определяется как защита и продвижение общественных интересов (или интересов групп давления, корпораций, иностранных государств и организаций, маскируемых под общественные), в отличие от лоббизма, понимаемого как защита частных интересов.

в фокус общественной дискуссии на Западе, но что считать «эффективным результатом»? Например, Счётная палата ЕС выявила непрозрачность и коррупционные риски при реализации зарубежных программ СМР³⁹. На Украине она констатировала отсутствие системных усилий по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти⁴⁰. Вместе с тем, как отмечают исследователи, отсутствие результатов в области экономической модернизации, коррупция и борьба олигархических групп способствовали большей податливости Киева воле западных стран [Гущин, Левченко 2019]. К подобному выводу пришли и исследователи политики ЕС на Балканах [Bartlett 2021].

Прямое сравнение расходов на СМР Китая с США и ЕС затруднено, так как в КНР, в отличие от стран Запада, не проведена чёткая грань между расходами на содействие развитию, инвестициями и кредитованием [Dreher et al. 2018]. По экспертным оценкам, годовые обязательства Пекина в этой сфере, включая льготные кредиты, составляют около 85 млрд долларов⁴¹. Страны-участницы инициативы «Пояс и путь» получили в 2022 г. 67,8 млрд долларов китайских инвестиций, значительная часть которых гарантирована на государственном уровне⁴². В 2016–2021 годах им было выделено 190 млрд долларов только в качестве экстренных кредитов для предотвращения банкротств⁴³. Традиционно

КНР кредитует правительства, но всё чаще — государственные корпорации, совместные предприятия и частные компании.

Изначально китайская политика СМР носила идеологический характер, но к 1980-м годам произошла экономическая прагматизация, закреплённая в 2000 г. принятием стратегии выхода на глобальные рынки «Идти вовне». Для Китая СМР оставалось в первую очередь инструментом обеспечения стабильных условий для расширения экономического влияния, способствуя экспорту избыточного капитала, расширению доступа к полезным ископаемым и физической инфраструктуре за рубежом. С 2010-х годов выросло внимание к выстраиванию гуманитарных отношений, укреплению дискурсивной силы [Ломанов 2017], участию страны в формировании глобальных стандартов, особенно в сфере новых технологий и телекоммуникаций [Комиссина 2022], что противоречило интересам США и ЕС в области стандартизации.

Продолжаются дискуссии о том, использует ли КНР содействие международному развитию как «долговую ловушку», добиваясь от реципиентов политических уступок⁴⁴ [Калашников 2021]. На Западе Пекин осуждают за расширение контроля над объектами инфраструктуры в Африке и Азии, несоблюдение международных (западных) стандартов, непрозрачность проектов СМР и коррупцию⁴⁵. Тем не менее чрезмерная

³⁹ European Court of Auditors. Transparency of EU funds implemented by NGOs: more effort needed. Special Report. No. 35. Luxembourg, 2018. 47 p.

⁴⁰ European Court of Auditors. Reducing grand corruption in Ukraine: several EU initiatives, but still insufficient results. Special Report, Luxembourg. 2021. 76 p.

⁴¹ Malik A. et al. Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects. Williamsburg: AidData at William & Mary, 2021. 166 p.

⁴² Nedopil C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2022. Shanghai: Green Finance & Development Center, FISF Fudan University, 2023. 28 p. URL: https://greenfdc.org/wp-content/uploads/2023/02/Nedopil-2023_China-Belt-and-Road-Initiative-BRI-Investment-Report-2022.pdf (accessed: 15.08.2023).

⁴³ Horn S. et al. China as an International Lender of Last Resort. AidData Working Paper. 2023. No.124. 40 p.

⁴⁴ Речь идёт о расширении военно-силового присутствия, территориальных уступках, контроле над природными ресурсами и инфраструктурой.

⁴⁵ The Elements of the China Challenge // Office of the Secretary of State, Policy Planning Staff. U.S. Department of State. 2020. 74 p. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf> (accessed: 18.08.2023).

задолженность нередко — следствие неверных оценок проектов со стороны местных элит и противоречит стремлению Китая обеспечить доходность инвестиций в рамках «Пояса и пути» [Маслов 2020].

Таким образом, методы и способы реализации политики содействия развитию рассматриваемых субъектов существенно различаются в зависимости от доступных ресурсов и стратегической культуры. США нацелены на высокий уровень вмешательства в общественно-политические процессы в целевых странах за счёт механизма частно-государственного партнёрства, взаимодействия с филантропическими фондами и НПО — важнейшими контрагентами в реализации СМР «на земле». Нередко используются группы, действующие в обход сложившихся местных институтов. ЕС, напротив, предпочитает в качестве контрагентов правительства для влияния на нормы и стандарты посредством постепенного реформирования политической и экономической систем реципиента. Китай аналогичным образом работает с правительствами, но, как правило, получателями средств выступают не только государства, но и китайский крупный бизнес, реализующий эти проекты. Действуя не всегда публично, но через официальные межгосударственные каналы, КНР стремится к договорённостям с элитами целевых стран при использовании доступных рычагов влияния — займов и инфраструктурных проектов.

Трансформация подходов

В 2021–2023 годах США, ЕС и КНР приняли ряд программ и запустили глобальные инициативы в сфере СМР, реконфигурирующие систему координат соперничества (табл. 2).

Индустриально-технологическая гонка в сфере зелёной энергетики, микроэлектроники и цифровизации [Sparkling Europe 2023] направлена на обеспечение технологического превосходства и экономического роста Вашингтона и Брюсселя на фоне их стремления к ограничению экспорта технологий в незападные страны и роли последних в цепочках поставок⁴⁶. Вместе с тем сверхамбициозные цели энергетического перехода превышают объёмы поставок ряда редкоземельных минералов, добываемых преимущественно в развивающихся странах. Увеличивается тем самым антропогенная нагрузка на окружающую среду [Hammond, Brady 2022]⁴⁷.

Фактически речь идёт об экспорте углеродных выбросов в незападные страны⁴⁸. Этот политический курс грозит усугублением негативных тенденций в области экологии, неравенства и технологического отставания стран глобального Юга⁴⁹. В этих условиях СМР становится инструментом стимулирования или принуждения зарубежных стран следовать в русле жёстких требований доноров.

Все три рассматриваемых субъекта пытаются укрепить идеологическое обо-

⁴⁶ Советник президента США по национальной безопасности Джейкоб Салливан утверждал: «...после авторитарных контрреволюций 2000-х годов, когда наши конкуренты и противники воспользовались нашим самоуспокоением и открытостью, мы должны провести «третью волну» цифровой революции и добиться, чтобы новые технологии работали на нас, а не против нас, на наши демократии и безопасность». См. подробнее: Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan at the Special Competitive Studies Project Global Emerging Technologies Summit // White House. 16.09.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/16/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-at-the-special-competitive-studies-project-global-emerging-technologies-summit/> (accessed: 21.07.2023).

⁴⁷ van Starden C. Green Energy's Dirty Secret: Its Hunger for African Resources // Foreign Policy. 30.06.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/06/30/africa-congo-drc-ev-electric-vehicles-batteries-green-energy-minerals-metals-mining-resources-colonialism-human-rights-development-china/> (accessed: 18.08.2023).

⁴⁸ Usman Z. et al. What Does the European Green Deal Mean for Africa? Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2021. 33 p.

⁴⁹ Ciuriak D. The BRICS as an Alternative Anchor for Global Economic Governance: A Comment // Ciuriak Consulting Inc. Discussion Paper. 10.07.2022. 27 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4492261 (accessed: 18.08.2023).

Таблица 2
Новые пространства соперничества в рамках политики СМР

Пространства	Инициативы		
	США	ЕС	КНР
<i>Возобновляемая энергетика</i>	Новая индустриальная политика (Закон о сокращении инфляции 2022 года), «фактор климата» внедряется в принятие решений о выделении средств СМР ⁵⁰ .	Новая индустриальная политика (Законопроект об индустрии нулевых выбросов 2023) ⁵¹ , стратегия «Глобальный шлюз» (Global Gateway) ⁵² внедряет «фактор климата» как критерий СМР.	Коалиция зелёного развития «Пояса и пути» (2019), отказ строить новые угольные ТЭЦ за рубежом (2021), Инициатива глобального развития (2021) ⁵³ .
<i>Цепочки поставок</i>	Расширение через <i>USAID</i> доступа к минералам в странах-реципиентах и влияние на регулирование добычи и закупок под эгидой борьбы с коррупцией ⁵⁴ .	Законопроект о критических сырьевых материалах (2023), СМР как средство снижения рисков в цепочках поставок ⁵⁵ .	В рамках «Пояса и пути» опережающее расширение доступа к зарубежным месторождениям полезных ископаемых, включая редкоземельные металлы.
<i>Стандартизация</i>	Стратегия национальных стандартов (2023), использование <i>USAID</i> для продвижения своих стандартов в растущие экономики и их кооптации в стандартизацию под контролем США ⁵⁶ .	Стратегия стандартизации (2022) ⁵⁷ , установление мировых стандартов в интересах расширения зелёного и цифрового рынков ЕС.	«Стандарты Китая-2035» (2021), расширение влияния на международные стандарты в передовых отраслях за счёт дискурсивной силы, создания зарубежной инфраструктуры и опережающего роста производства ⁵⁸ .

⁵⁰ National Security Strategy // The White House. 11.10.2022. P. 27–28. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.07.2023).

⁵¹ The Net-Zero Industry Act: Accelerating the transition to climate neutrality // European Commission. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/industry/sustainability/net-zero-industry-act_en (accessed: 21.07.2023).

⁵² The Global Gateway // Joint Communication JOIN (2021) 30 final. Brussels. 01.12.2021. 13 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021JC0030> (accessed: 18.08.2023).

⁵³ Progress Report on the Global Development Initiative 2023 // Center for International Knowledge on Development. June 2023. 44 p. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/topics_665678/GDI/wj/202306/P020230620670430885509.pdf (accessed: 18.08.2023).

⁵⁴ Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth. 100-Day Reviews under Executive Order 14017 // The White House. June 2021. P.141. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 18.05.2023); Powering a Just Energy Transition Green Minerals Challenge // USAID. URL: <https://www.usaid.gov/document/powering-just-energy-transition-green-minerals-challenge> (accessed : 21.07.2023).

⁵⁵ Critical Raw Materials Act // European Commission. Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/sectors/raw-materials/areas-specific-interest/critical-raw-materials/critical-raw-materials-act_en (accessed: 21.07.2023).

⁵⁶ United States Government National Standards Strategy for Critical and Emerging Technology. Washington: The White House. May 2023. 14 p.

⁵⁷ EU Strategy on Standardisation: Setting global standards in support of a resilient, green and digital EU single market // Communication COM (2022) 31 final. Brussels. 02.02.2022. 10 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022DC0031> (accessed: 18.05.2023).

⁵⁸ Baark E. China's International Technology Standards Strategy and the Digital Silk Road // East Asian Institute, National University of Singapore, 2021. 20 p.

Окончание таблицы 2

Пространства	Инициативы		
	США	ЕС	КНР
Цифровая инфраструктура	Партнёрство за глобальную инфраструктуру и инвестиции (PGII, 2022) ⁵⁹ , создание Корпорации по финансированию международного развития (2019) как альтернативы КНР.	Глобальный подход к науке и инновациям (2021), цифровизация в стратегии Global Gateway (2021) как альтернатива КНР.	Цифровой «Пояс и путь» (2017) как рамочная инициатива по продвижению китайских технологий в сфере телекоммуникаций и ИТ-инфраструктуры.
Идеология	Концепция борьбы демократий против автократий (отказ от старых правил глобализации на основе ВТО), Саммит демократий, борьба с клептократиями ⁶⁰ , зелёная и гендерная повестка.	План ЕС по правам человека и демократизации (2020—2024), геополитизация прав человека, зелёная и гендерная повестка.	Инициатива глобальной цивилизации (2023) ⁶¹ как альтернатива западной модели модернизации и «демократизации», сообщество единой судьбы человечества, «Пояс и путь» как взаимное обучение цивилизаций ⁶² .

Источник: составлено автором.

снование своей политики СМР, используя культурно-гуманитарное влияние для продвижения норм и нарративов, соответствующих меняющимся политико-экономическим приоритетам. Трансформация подходов США к содействию международному развитию включает в себя перестраивание системы для более эффективного противодействия Китаю и России. С приходом к власти администрации Дж. Байдена предпринимались попытки затормозить (или повернуть вспять) утрату престижа американоцентричной модели демократизации [Diamond 2022]⁶³, проводя внешнюю политику в наступательном формате против «автократий» [Шаклеина 2021]. Блоку

СМР в этой работе была отведена ключевая роль, о чём свидетельствовало укрепление статуса *USAID* как инструмента национальной безопасности и включение директора Агентства в состав Совета национальной безопасности при президенте.

В американской политике СМР тренд на секьюритизацию приобрёл структурный характер: помощь вновь стала рассматриваться не только как форма управления развитием других стран, но и борьбы с внешними угрозами. Предыдущие витки секьюритизации в этой области ранее наблюдались в ходе «войны с терроризмом» в начале 2000-х годов и «холодной войны» [Глазунова 2016]. В экспертных кругах озву-

⁵⁹ Savoy C., McKeown S. Future Considerations for the Partnership on Global Infrastructure and Investment // Center for Strategic & International Studies. 29.06.2022. URL: <https://www.csis.org/analysis/future-considerations-partnership-global-infrastructure-and-investment> (accessed: 18/05/2023).

⁶⁰ Dekleptification Guide. Seizing Windows of Opportunity to Dismantle Kleptocracy // USAID. September 2022. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-02/USAID-Dekleptification-Guide.pdf> (accessed: 20.06.2023).

⁶¹ Global Civilization Initiative injects fresh energy into human development // The State Council Information Office. The People's Republic of China. 19.03.2023. URL: http://english.scio.gov.cn/topnews/2023-03/19/content_85177312.htm (accessed: 18.08.2023).

⁶² Forging High-quality Partnership For a New Era of Global Development. Remarks by H.E. Xi Jinping // XIV BRICS Summit. 24.06.2022. URL: http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/dtxw/202206/t20220624_10709767.html (accessed: 21.07.2023).

⁶³ National Security Strategy // The White House. 11.10.2022. P. 11. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.07.2023).

чивались предположения, что американская реакция на украинский кризис в 2022 г. повернёт вспять снижение «мягкой силы» и ослабление восприятия Соединённых Штатов как мирового лидера [Kearn 2022]. Примечательно, что дистанцирование западных стран от антироссийских санкций и украинского вопроса воспринимается американскими экспертами в исключительно антагонистических категориях — как «мятеж России и остального мира против США»⁶⁴.

В бюджетном запросе на 2024 г. администрация Дж. Байдена обозначила достижение «стратегического проигрыша» России на Украине как первую цель СМР. Кроме того, упоминалось укрепление альянсов, противодействие «хищническому финансированию» Китая и строительство «экономических систем, устойчивых к манипуляции КНР», повышение энергетической безопасности Соединённых Штатов, включая цепочки поставок критически важных минералов, «помощь зарубежным странам в выполнении своих обязательств». Всего на политику в сфере СМР было запрошено более 60 млрд долларов⁶⁵. Закрепление содействия развитию как инструмента достижения военно-политических целей, в том числе наступательного характера, и использование последних для её обоснования дают основания предполагать, что процесс секьюритизации, присущий «холодной войне», трансформируется в тренд на милитаризацию, контуры которого начали формироваться ещё до обострения конфликта на Украине.

Военная помощь традиционно рассматривалась в Вашингтоне как часть зарубежной помощи (*foreign assistance*), но курируемая военными ведомствами и обособленная от экономической (невоенной) составляющей. В 2020 г. была принята межведомственная стратегия Государственного департамента, *USAID*, Пентагона и Министерства финансов⁶⁶, закрепляющая практику совместного планирования, реализации и мониторинга программ содействия развитию, что означало размывание границ между военными и невоенными средствами влияния и де-факто милитаризацию СМР. Исследователи также зафиксировали тенденцию к усилению роли американских частных военных компаний на зарубежных территориях, где реализовывались программы помощи [Power 2019]. Укоренившийся в доктринальных документах Соединённых Штатов (не исключая СМР) упор на великодержавное соперничество сам по себе программирует конфронтацию, отрицая возможность устойчивости и тем более оптимальности полицентричного мироустройства.

Ужесточаются политические требования для операторов СМР США. От них ожидают быстрого реформатирования правовой и политической системы в зарубежных странах с нейтральными или нелояльными режимами, утратившими стабильность. По поручению директора *USAID* Саманты Пауэр осенью 2022 г. было подготовлено «Руководство по борьбе с клептократиями»⁶⁷, включившее в себя дорожную карту

⁶⁴ См., например: Hill F. Ukraine in the New World Disorder: The Rest's Rebellion Against the United States // Lennart Meri Lecture 2023. URL: <https://lmc.icds.ee/lennart-meri-lecture-by-fiona-hill/> (accessed: 25.07.2023). Заслуживает внимания и иная оценка событий, встречающаяся среди исследователей левого толка. Транснациональные элитные и экспертные сети, созданные в рамках политики помощи развитию при ведущей роли филантропических фондов, способны предотвратить военную конфронтацию между Пекином и Вашингтоном, обеспечив управляемую кооптацию западных элит в либеральный миропорядок [Huo, Parmar 2020].

⁶⁵ Congressional Budget Justification: Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. Fiscal year 2024 // USAID. 2023. P. 99–100. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-03/FY%202024%20CBJ%20FINAL_3.9.23_0.pdf (accessed: 23.06.2023).

⁶⁶ United States Strategy to Prevent Conflict and Promote Stability // USAID. P. 17. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-05/USPCPS%202-Pager%207.pdf> (accessed: 30.05.2023).

⁶⁷ Dekleptification Guide. Seizing Windows of Opportunity to Dismantle Kleptocracy // USAID. September 2022. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-02/USAID-Dekleptification-Guide.pdf> (accessed: 20.06.2023).

и идеологическое обоснование использования программ СМР для смены режимов. Анализ документа раскрывает техники политического влияния и контроля через культурно-гуманитарные инфраструктуры, созданные при помощи этой политики. Его составители считают украинский случай после 2014 г. «наиболее чистой моделью развития инклюзивных институтов, создавшей замкнутый круг благоприятных изменений»⁶⁸.

Речь идёт о распространении опыта работы с Украиной на другие страны, в основе которого лежит модель внешнего управления через «гражданское общество». Отмечается, что для ухода от ручного управления кадровой политикой Киева со стороны посла США *USAID* в 2014–2019 годы создало «параллельную систему специализированных независимых агентств, нацеленных на борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти». Это решение позволило «достичь быстрых [кадровых] результатов и избежать обвинений в посягательстве на суверенитет»⁶⁹. Подход фактически состоит в создании монопольного рынка гражданских инициатив как инструмента контроля за местными элитами в интересах Вашингтона через антикоррупционную повестку.

С 2010-х годов в Соединённых Штатах на экспертном уровне активно лоббировалась тотальная политизация СМР по принципу: «развитие во всех сферах — это политический процесс» [Carothers, de Gramont 2013]. Позиция директора *USAID* С. Пауэр свидетельствовала о принятии подхода, согласно которому помощь развитию — это способ «победить антидемократические силы» [Power 2023]. В развитие повестки «Саммита демократий» она в 2022 г. выдвинула концепцию «ярких точек» (bright spots). Имеются в виду страны, в которых появляется «возможность демократических изменений», например, в форме мас-

совых протестов или нестабильных электоральных кампаний, и куда надо оперативно перебрасывать ресурсы по линии СМР. Подобные концепции ещё ранее использовались в западной практике. Новация заключается в стремлении фактически рассматривать все экономические программы помощи как содействие демократизации с акцентом не на институтах (например, профсоюзы), а на создании «неинституциональных коалиций прямого действия» [Power 2023], что зачастую означает неконституционные политические изменения.

В Европейском Союзе наблюдаются схожие тенденции в части политизации СМР, но они дополняются борьбой высшей бюрократии Брюсселя за расширение наднациональных полномочий в сфере внешней политики путём привлечения повышенного внимания к внешним угрозам. Масштабные зарубежные культурно-гуманитарные программы ЕС в сфере науки, образования, гражданского общества всё больше подчиняются императивам стратегической коммуникации в логике секьюритизации [Сутырин 2021].

В 2010-х годах программа СМР интеграционного объединения характеризовалась переходом от идеи прогресса через демократизацию прилегающих стран под руководством Союза к стрессоустойчивости (resilience) [Романова 2017]. Тем не менее реализовать концепцию устойчивого развития в странах, граничащих с ЕС, не удалось в силу неизменности асимметричных подходов, когда соседям ЕС предлагалась необсуждаемая стратегическая формула отношений на условиях Брюсселя [Bossuyt, Davletova 2022], игнорировавшая в том числе их связи с Россией.

В середине 2010-х годов в Европейском Союзе начала побеждать точка зрения, согласно которой СМР должно использоваться в целях обеспечения безопасности [Бартенев 2017], в первую очередь в сфере

⁶⁸ Dekleptification Guide. Seizing Windows of Opportunity to Dismantle Kleptocracy // USAID. September 2022. P. 55. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-02/USAID-Dekleptification-Guide.pdf> (accessed: 20.06.2023).

⁶⁹ Ibid. P. 65.

миграции [Хахалкина, Погорельская 2022]. В 2016–2017 годах разгорелась дискуссия о возможности использовать содействие развитию для финансирования военных потребностей целевых стран⁷⁰. Прецеденты такого финансирования ЕС уже возникали ранее в странах Африки [Power 2019]. Характерно, что переломным моментом стало не начало специальной военной операции России на Украине, а завершение нового цикла внешнеполитического планирования ЕС в 2019–2020 годах. В 2021 г. был создан Европейский фонд мира с бюджетом 5 млрд евро до 2027 г. для финансирования военных операций и расходов за рубежом, который впоследствии использовался для военной помощи Киеву⁷¹.

ЕС добивается того, чтобы оказываемая соседним странам поддержка помогала сформировать ему имидж «глобального игрока» и «укрепляла [его] социально-экономическое влияние». Эти цели были включены в бюджетные планы интеграционного объединения на 2021–2027 годы⁷². В Плане действий ЕС по правам человека и демократии, принятом в 2020 году, провозглашалась «геополитическая повестка прав человека» и вытекающий из неё «подход к развитию, основанный на правах человека»⁷³. Тем самым официально закреплялась роль СМР как геополитического, а не только социально-экономического инструмента влияния.

Система финансового планирования ЕС, как и США, адаптируется под быструю переброску средств СМР в те страны, где сложилась чрезвычайная ситуация или возникли возможности быстрого проведения преобразований. Для этих целей был

создан специальный резервный фонд. На 2021–2027 годы было выделено 3,2 млрд евро. Тем самым Европейский Союз дополнил среднесрочный семилетний цикл финансового планирования инструментами быстрого вмешательства.

В содержательную часть планов Европейской комиссии и генеральных директоров на 2021–2027 годы, а также в программы ЕС в сфере образования, науки и культуры был включён пункт о внешней угрозе, в первую очередь российской, но упоминался и Китай [Сутырин 2021]. Такие формулировки фактически означали исчерпание модели СМР как «мягкой силы». На смену ей пришла геополитическая модель на основе логики секьюритизации и конфронтации.

Пекин, в отличие от Вашингтона и Брюсселя, не стремится к секьюритизации содействия международному развитию, но пытается придать своей политике более комплексный характер, усиливая культурно-гуманитарное влияние на общества целевых стран. В 2017–2023 годах в политику СМР внедрялся ряд крупных новаций.

Во-первых, Китай усилил акцент на цивилизационной логике, опровергая американскую линию на культурную унификацию. В 2017 г. Си Цзиньпин заявил о «Поясе и пути» как о «пути, соединяющем цивилизации», призвав создать многоуровневый механизм культурно-гуманитарного взаимодействия в рамках инициативы⁷⁴. В 2023 г. лидер КНР представил Инициативу глобальной цивилизации, направленную на расширение культурно-гуманитарного взаимодействия и межпартийного

⁷⁰ Hautala H. Europe's legal U-turn on militarising development policy // EURactiv. 03.07.2017. URL: <https://www.euractiv.com/section/development-policy/opinion/europes-legal-u-turn-on-militarising-development-policy/> (accessed: 21.04.2023).

⁷¹ The European Peace Facility // EU Strategic Compass. January 2023. 3 p. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/EU-peace-facility_2023.pdf (accessed: 28.04.2023).

⁷² The EU's 2021-2027 long-term budget and NextGeneration EU // Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2021. P.19. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d3e77637-a963-11eb-9585-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 14.04.2022).

⁷³ EU Action Plan on Human Rights and Democracy 2020–2024 // Joint Communication to the European Parliament and the Council. 25.03.2020. URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=JOIN\(2020\)5&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=JOIN(2020)5&lang=en) (accessed: 14.05.2022).

⁷⁴ Full text of President Xi's speech at opening of Belt and Road forum // Xinhua. 14.05.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed: 01.03.2023).

диалога со странами вне западного блока, а также на содействие их модернизации⁷⁵.

Во-вторых, проводилась работа по систематизации и трансформации СМР в рамках новых глобальных инициатив. Первостепенная роль в этой сфере отводилась «Поясу и пути», но в 2021 г. был запущен ещё один зонтичный проект — Глобальная инициатива развития, курируемая МИД⁷⁶. Китай пытается продвигать её через ООН, таким образом укрепляя легитимность этой инициативы как многосторонней платформы. В целом Пекин за счёт глобальных проектов на уровне дискурса стремится предложить альтернативу Соединённым Штатам, уделяя внимание многосторонности и более насущным, чем климат или Украина, проблемам, которые стоят перед незападным миром. Речь идёт о преодолении нищеты и голода, передаче опыта развития и модернизации при сохранении традиций⁷⁷.

Выступая на Форуме «Китай и международное развитие» в декабре 2022 года, руководитель CIDCA Ло Чжаохуэй, ранее занимавший пост заместителя главы МИД КНР, обозначил следующие приоритеты политики в сфере СМР: сотрудничество в рамках «Пояса и пути»; реализация Глобальной инициативы развития (*GDI*),

включающей обучение 100 тыс. иностранных специалистов в стране; международное сотрудничество в борьбе с пандемией⁷⁸. Запуск *GDI* усилил роль МИД и внешнеполитических приоритетов в управлении СМР. Это наглядно проявилось в 2020 г. при выборе государств-получателей китайской помощи в борьбе с пандемией, который коррелировал с географией участия стран в Глобальной инициативе развития КНР [Telias, Urdinez 2022].

GDI позиционируется как платформа, ставящая в центр внимания человека как объекта политики СМР с упором на достижение целей устойчивого развития, социальную помощь, трансляцию знаний, молодёжь и образование⁷⁹. В то же время «Пояс и путь», несмотря на экономический профиль, также оснащается разветвлённой культурно-гуманитарной инфраструктурой для различных сегментов обществ целевых стран. Тем самым обеспечивается диверсификация каналов влияния и повышается резистентность возможному противодействию со стороны зарубежных государств⁸⁰. Последнее относится к опасениям относительно превращения СМР из инструмента, ориентированного на развивающиеся страны, в средство глобального позиционирования Пекина⁸¹,

⁷⁵ Global Civilization Initiative injects fresh energy into human development // The State Council Information Office. The People's Republic of China. 19.03.2023. URL: https://english.scio.gov.cn/topnews/2023-03/19/content_85177312.htm (accessed: 17.04.2023).

⁷⁶ Wang Yi. Jointly Advancing the Global Development Initiative and Writing a New Chapter for Common Development // Ministry of Foreign Affairs of PRC. 21.09.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202209/t20220922_10769721.html (accessed: 28.06.2023).

⁷⁷ Hoang Thi Ha. Why Is China's Global Development Initiative Well Received in Southeast Asia? // Yusof Ishak Institute. 21.02.2023. 12 p. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2023/01/ISEAS_Perspective_2023_9.pdf (accessed: 17.04.2023).

⁷⁸ Luo Zhaohui. Address by CIDCA Chairman at 3rd China and International Development Forum // China Daily. 12.05.2022. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-12/05/c_836526.htm (accessed: 10.05.2023).

⁷⁹ Progress Report on the Global Development Initiative 2023 // Center for International Knowledge on Development. Beijing, 2023. 41 p.

⁸⁰ Характерно, что наиболее системная политика противодействия гуманитарным инициативам КНР проводится США — начиная с практически полного вытеснения из страны институтов Конфуция и заканчивая «Китайской инициативой» Минюста США по расследованию сотрудничества американских учёных с Китаем.

⁸¹ В 2022 г. правительственный Центр международных знаний о развитии опубликовал доклад о китайском взгляде на проблемы и вызовы глобального развития, тем самым включившись в борьбу за глобальные нарративы СМР. В докладе, в частности, отмечается риск возникновения «барьера развития» для развивающихся стран в связи с цифровизацией: «данные становятся новым фактором

претендующего на создание параллельной западным институтам (но не исключающей сотрудничество с ними) глобальной инфраструктуры содействия международному развитию [Lei 2022].

Эволюцию подходов Китая можно отследить по документам среднесрочного планирования. В Пятилетнем плане экономического и социального развития КНР на 2016–2020 годы⁸² была поставлена цель увеличить объём международной помощи и улучшить способы её распространения, а именно – «предлагать больше бесплатных консультаций и образовательных возможностей» другим развивающимся странам в таких сферах, как человеческие ресурсы, планирование развития и экономическая политика. Намечено расширение международного сотрудничества в науке и технологиях, образовании, медицине, предотвращении чрезвычайных ситуаций, управлении, защите окружающей среды и борьбе с бедностью. Постепенно и вопросы безопасности, в частности традиционное внимание КНР к миротворческим операциям ООН⁸³ или защита транспортных коридоров, начинают встраиваться в политику СМР. Тенденция к повышению роли безопасности внешне отчасти схожа с процессами в США и ЕС, но Китай обходится без секьюритизации проблем и демонстрирует готовность принимать во внимание интересы других великих держав,

например России в её ближнем зарубежье [Соболева, Кривохиж 2020].

В Пятилетнем плане на 2021–2025 годы в рамках СМР подчёркивалась важность продвижения инициативы «Пояс и путь» и расширения зарубежного культурно-гуманитарного взаимодействия. К направлениям предыдущей пятилетки были добавлены искусство, межпарламентское и межпартийное измерение, а также интенсификация обменов под зонтиком идеологии «взаимного обучения цивилизаций». Провозглашено создание цифрового, «зелёного» и «здорового» шёлкового путей⁸⁴.

Таким образом, наращиваются комплексность и глубина гуманитарных программ наряду с притязаниями Китая на глобальную роль. При этом правительство КНР стремится к более точной фокусировке проектов СМР за рубежом, прежде всего на управленческом и интеллектуальном классах. Руководитель CIDCA отмечает, что КНР стремится работать по принципу «мало, но умно» (переход от техники «крупных мазков» к «оттачиванию деталей»), уделяя больше внимания распространению китайской экспертизы, знаний и опыта в сфере управления, интеллектуальной помощи и культурным программам⁸⁵. Основным принцип – соединение «жёсткой помощи» (строительство инфраструктуры и материальная поддержка) и «мягкой» (работа с людьми и техническая под-

производства, затрагивая безопасность и социальное развитие всех стран», что требует совместного определения правил и стандартов глобального цифрового управления. Подробнее см.: Global Development Report. Beijing: Center for International Knowledge on Development, 2022. P.31.

⁸² The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020). Translated by Central Committee of the Communist Party of China. Chapter 53. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (accessed: 24.04.2023).

⁸³ Китай обеспечивает наибольшее среди постоянных членов Совета Безопасности ООН число миротворцев для операций под эгидой ООН, является одним из крупнейших доноров данной деятельности. См. подробнее: Position Paper on China's Cooperation with the United Nations // Ministry of Foreign Affairs of PRC. 22.10.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/wjzcs/202110/t20211022_9609380.html (accessed: 25.05.2023).

⁸⁴ The 14th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2021–2025). Article XLI Promote high-quality "Belt and Road" development. P.98–104. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five-Year_Plan_EN.pdf (accessed: 01.03.2023).

⁸⁵ Luo Zhaohui. Address by CIDCA Chairman at 3rd China and International Development Forum // China Daily. 12.05.2022. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-12/05/c_836526.htm (accessed: 10.05.2023).

держка). Эта деятельность подкрепляет тезисы Си Цзиньпина о продвижении китайских нарративов и формировании сообщества единой судьбы человечества⁸⁶. КНР становится активным игроком на мировом культурно-гуманитарном поле. Вместе с тем выводы о результативности усилий Пекина в продвижении культурных норм пока преждевременны. Страна всё ещё выступает импортёром западных идей, выборочно осваивает западные практики СМР, например в сфере запуска глобальных партнёрств или увязки экономических и культурно-гуманитарных инструментов [Bowen 2021].

Подводя итог, следует отметить, что уровень вмешательства Пекина во внутренние дела стран-получателей помощи ниже, чем у Вашингтона и Брюсселя, которые нацелены на переформатирование общественно-политических структур реципиентов безотносительно приоритетов местных правительств. В этой связи реформы США и ЕС нацелены на повышение гибкости и оперативности переброски средств СМР в дестабилизированные регионы для управления политическими изменениями. В Соединённых Штатах усиливается координация системы содействия международному развитию с силовым блоком. Китай заинтересован в более чёткой увязке СМР с внешнеполитическими целями и предложении миру альтернативной глобализации без культурной унификации, не исключающей прагматичной составляющей, в том числе извлечение доходов китайскими корпорациями. США работают с правами меньшинств, апеллируя к угнетённым слоям, но недостаточное внимание экономической прав человека в политике Вашингтона затрудняет вовлечение незападных развивающихся стран.

У ЕС роль идеологии замещают энергетический переход и борьба с Россией. Общие итоги проведённого сравнительного анализа отражены в табл. 3.

Выявленные тенденции указывают на увеличение роли и внимания ведущих игроков к культурно-гуманитарному влиянию в рамках политики СМР. Речь идёт не о технической помощи в социальной и экономической сферах, традиционной для этой деятельности по меньшей мере с принятия «Четвёртого пункта» Г. Трумэна⁸⁷, но о комплексном влиянии на общества и мировоззрение людей с опорой на ресурсы программ содействия развитию. Одной из ключевых задач политики СМР является построение инфраструктуры культурно-гуманитарного воздействия, включающей сети НПО, медиа, нарративы, связи и каналы влияния, ресурсные центры, кадры и компетенции. Их целью не является трансляция знаний и ноу-хау в традиционном для СМР формате, но достижение политических задач через влияние на установки и ценности, общественное мнение, поддержку отдельных общественных сил, элитных групп, протестных акций. Необязательно завоёвывать при помощи СМР друзей или лояльных союзников среди зарубежных стран — можно создать за счёт политики содействия развитию инфраструктуру культурно-гуманитарного влияния и непосредственно воздействовать на общественное мнение, элиты и (или) использовать созданные сети, например, для отвлечения ресурсов целевой страны, замедления прогресса или сбора данных в военно-политических целях.

Некоторые из подобных методов применялись в период «холодной войны» [Krige 2006], но комплексность и масштабы воздействия были меньше по сравнению

⁸⁶ Глава Агентства по сотрудничеству в области международного развития КНР о работе по оказанию помощи зарубежным странам в новую эпоху // Синьхуа Новости. 04.03.2019. URL: https://russian.news.cn/2019-03/04/c_137867876.htm (дата обращения: 05.04.2023).

⁸⁷ Подъём национально-освободительных движений в странах глобального Юга и Востока, широко использовавших коммунистическую платформу для захвата и удержания власти, способствовал выдвижению в США доктрины влияния на социально-экономические реформы в этих странах посредством технической помощи для недопущения коммунистической экспансии. Данная политика была сформулирована в инаугурационной речи президента Г. Трумэна в 1949 г. [Глазунова 2012].

Таблица 3
Организация, инструменты и тенденции развития систем СМР

Критерий	США	ЕС	КНР
<i>Уровень координации системы управления</i>	Выше среднего: <i>USAID</i> в тесной связке с Госдепартаментом при участии Минобороны и Минфина.	Ниже среднего: сложная система координации и соревновательности между национальным и наднациональным уровнями.	Средний: борьба за разделение сфер ответственности между экономическим и внешнеполитическим блоками, но запуск зонтичных инициатив.
<i>Концептуальные документы</i>	Стратегия национальной безопасности.	Глобальная стратегия и приоритеты Еврокомиссии.	Пятилетние планы и программные заявления руководства страны.
<i>Базовые цели</i>	Борьба «демократий против автократий» как инструмент консолидации своего блока и сдерживания растущих держав.	Экспансия стандартов, расширение рынка и «демократизация» с упором на геополитические цели и угрозы.	Лидерство в незападном мире под эгидой «устойчивой» глобализации и взаимного «обучения цивилизаций».
<i>Уровень вмешательства во внутренние дела государств-реципиентов</i>	Высокий: быстрая перестройка политических структур социума в обход официальных институтов через своих агентов в моменты кризисов.	Высокий: медленная перестройка экономической и политической систем через влияние на официальные институты, нормы и общество.	Средний: достижение целей через межгосударственные каналы, вовлечение зарубежных элит без перекройки структур социума.
<i>Уровень государственно-частного партнёрства</i>	Высокий: широкое вовлечение НПО, тесное взаимодействие с филантропическими фондами и бизнесом.	Низкий: сотрудничество и конкуренция с государствами—членами ЕС, привлечение НПО.	Средний: рост вовлечённости зарубежного китайского бизнеса и госкорпораций в странах-реципиентах.
<i>Базовые инструменты влияния</i>	Неинституциональный активизм, протесты, медиакмпании.	Продвижение норм и стандартов.	Крупные инфраструктурные проекты и займы.
<i>Основные получатели помощи</i>	НПО, в меньшей степени многосторонние форматы и государства.	Государства и многосторонние институты, в меньшей степени НПО.	Государства, в меньшей степени зарубежные госкорпорации.
<i>Направление реформ системы управления</i>	Усиление межведомственной координации с силовым блоком и отладка механизмов быстрой концентрации ресурсов.	Повышение оперативности переброски средств в страны, где возникают «окна возможностей» для реформ.	Повышение координации через создание профильного агентства, запуск глобальных зонтичных проектов, гуманитарное влияние.
<i>Идеологические тенденции</i>	Секьюритизация и милитаризация СМР, инструментализация в целях промышленной политики, права меньшинств.	Геополитизация и секьюритизация СМР как инструмента противодействия России и энергоперехода.	Продолжение глобализации без культурной унификации, экономические права человека (сокращение голода, нищеты).

Источник: составлено автором.

с современным периодом взрывного роста числа международных НПО после распада биполярной системы⁸⁸. Приход Китая в сферу культурно-гуманитарного влияния с 2010-х годов создаёт глобальную конкуренцию на этом поле, где более 30 лет доминировал Запад. Вкупе с вовлечением в международные отношения множества социальных сфер и групп на фоне усиления роли новых информационно-коммуникационных технологий с их возможностями глубокого воздействия на мировоззрение человека это создаёт новую ситуацию по сравнению с великодержавным соперничеством в сфере культурно-гуманитарной политики и содействия развитию в период «холодной войны».

* * *

Политика СМР рассмотренных игроков направлена на стимулирование своих экономик за счёт поддержки экспорта, расширения рынков сбыта и доступа к природным ресурсам. Гипотеза об СМР как политике программирования развития зарубежных стран подтверждается частично и с существенными оговорками. В США (подход ЕС тяготеет к американскому при различиях в тактике, управлении и ресурсной базе) программы в этой области включают организацию направляемых изменений во внутренней и внешней политике целевых стран через не прямое влияние посредством культурно-гуманитарных инфраструктур.

Цели долгосрочного программирования внутренних процессов в странах-реципиентах декларируются и реализуются, но встречаются множество препятствий на практике: ужесточение геополитического соперничества сокращает горизонт планирования доноров. Вместе с тем программы помощи представляют точки доступа и средства создания инфраструктур культур-

но-гуманитарного влияния, позволяющих вмешиваться в политический процесс изнутри и менять траекторию развития зарубежных стран, особенно в случаях неустойчивости местного правительства. Эти действия становятся возможными посредством размывания суверенитета государства и принятия зарубежными операторами СМР на себя части государственных функций в стране-реципиенте, в частности, в сфере идеологии, социализации, планирования развития и др. Оценки результативности этой работы противоречивы и зависят от точки зрения наблюдателя. В США распространено мнение, что она является лучшей альтернативой военного вмешательства⁸⁹.

Тем не менее ориентация на программирование развития стран не является всеобщей. Китай использует СМР как один из рычагов для достижения выгодных межгосударственных договорённостей с реципиентами в духе жёсткого прагматизма. При этом Пекин воздерживается от попыток контролировать их внутреннее политическое развитие или политико-культурной унификации по своему чертежу. Учитывая культурные различия, последнее может оказаться сверхзатратной задачей.

Ведущие игроки находятся на развилке. С одной стороны, они сталкиваются с растущим давлением в пользу дальнейшего усиления меркантилизма в программах СМР, их инструментализации для достижения краткосрочных геополитических результатов. С другой — они нуждаются в СМР как рычаге распространения своей идеологии в борьбе за легитимность и включение незападных стран в свои глобальные проекты, что предполагает более долгосрочные цели. Особенно выражено это стремление проявляется в усилиях КНР по созданию противовеса конфрон-

⁸⁸ По данным Союза международных ассоциаций (UIA), число международных НПО в период с 1989 по 2009 г. возросло с 20,6 тыс. до 54,4 тыс. См. подробнее, например: *Schofer E., Longhofer W. The Global Rise of Nongovernmental Organizations // The Nonprofit Sector. Stanford University Press, 2020. P. 603–617.*

⁸⁹ *Gompert D., Binnendijk H. The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War. Santa Monica: RAND Corporation, 2016. 56 p.*

тационной линии США через предложение незападному миру своих подходов и более выгодной и устойчивой версии глобализации.

Соединённые Штаты, в свою очередь, стремятся к цементированию евро-атлантического блока и расшатыванию потенциальных западных коалиций. По мере усиления международного противоборства политика СМР всё больше концентрируется на достижении краткосрочных целей в ущерб стратегическим установкам, что заметно в новых областях великодержавного соперничества, таких как индустриаль-

ная политика, энергетический переход, цепочки поставок и так далее. Эта тенденция препятствует программированию развития стран–реципиентов помощи со стороны доноров — на эту задачу не всегда хватает ресурсов и политической воли. В результате обозначенных процессов концепцию «мягкой силы» вытесняют более сложные и комбинированные формы влияния и принуждения, сочетающие культурно-гуманитарные, политические, геоэкономические и военно-силовые инструменты, важнейшим ресурсом для которых остаются программы СМР.

Список литературы

- Бартенев В.И. Безопасность или развитие? // Современная Европа. 2017. №6 (78). С. 47–57.
- Бартенев В.И. Ближний Восток и Северная Африка в актуальной статистике официальной помощи развитию. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. 54 с.
- Богатуров А.Д. «Синдром поглощения» в мировой политике // Pro et Contra. 1999. №4. С. 28–48.
- Виноградов А. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. 2021. Т. 19. №2. С. 6–20. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2
- Гаман-Голутвина О.В., Пономарёва Е.Г., Шишелина Л.Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 20–40.
- Глазунова Е.Н. Связка «Безопасность — развитие»: рождение концепта и его эволюция в годы «Холодной войны» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2016. №1. С. 8–38.
- Глазунова Е.Н. У истоков содействия международному развитию: американская программа технической помощи развивающимся странам // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. №2. С. 126–157.
- Громыко Ал.А. Современный мир: разгон противостояния «великих держав» // Европа в кризисном мире / Под ред. Ал.А. Громыко. М.: Весь мир, 2022. С. 11–26. DOI: 10.55604/9785777708953
- Гущин А.В., Левченков А.С. Западный фланг постсоветского пространства и программа «Восточное партнерство»: опыт и перспективы взаимодействия // Современная Европа. 2019. № 7. С. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019105114>
- Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 6. С. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02
- Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели // Мировое и национальное хозяйство. 2021. №57. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (дата обращения: 26.05.2023).
- Комиссина И.Н. Стандартизация в Китае: современные тренды и перспективы развития // Проблемы национальной стратегии. 2022. №1. С. 191–218. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_191
- Ломанов А.В. Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая // Ориенталистика. 2022. Т. 5. №4. С. 882–897. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>
- Ломанов А.В. Стратегия культурного влияния Китая в проекте «Один пояс, один путь» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 52–63.
- Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. №4. С. 6–22. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>
- Маслов А.А. Проблема «долговых ловушек» в рамках китайской инициативы «Пояс и Путь» // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: НГУ, 2020. С. 6–15.

- Морозкина А. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. №9. С. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92
- Пикети Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2016. 592 с.
- Романова Т.А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе // *Современная Европа*. 2017. №4. С. 17–28.
- Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии, институты. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 368 с.
- Соболева Е.А., Кривохиж С.В. Лидерство в многополярном мире: политика Китая в Центральной Азии // *Международные процессы*. 2020. Т. 18. №1. С. 119–134. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.7
- Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Кашнина, Н.В. Тогановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 248 с.
- Сутырин В.В. Финансы для либерального порядка: сравнительный анализ международной деятельности политических фондов ФРГ и филантропических фондов США // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. №3. С. 55–79. DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.5
- Сутырин В.В. Трансформация публичной дипломатии ЕС: от содержательного кризиса к повестке внешней угрозы // *Современная Европа*. 2021. № 6. С. 17–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620211729>
- Хахалкина Е.В., Погорельская А.М. Содействие развитию или управление миграцией (анализ европейского подхода) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. №2. С. 80–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-80-89>
- Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка: планы США по управлению междержавной конкуренцией // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. №3. С. 6–21. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.3.66.6>
- Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. №4. С. 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
- Шаклеина Т.А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. №4. С. 6–22. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>
- Щербунов В. Концепции «управляемой конкуренции» в военно-политических отношениях США и Китая. Теоретическое осмысление и практическое воплощение // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. №4. С. 93–118. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.6>
- Bartlett W. International assistance, donor interests, and state capture in the Western Balkans // *Journal of Contemporary European Studies*. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 157–168. <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1794801>
- Bossuyt F., Davletova N. Communal self-governance as an alternative to neoliberal governance: proposing a post-development approach to EU resilience-building in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41. No. 4. P. 788–807. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2058913>
- Bowen Yu. Cognitive Evolution and China's International Development Cooperation // *The Chinese Journal of International Politics*. 2021. Vol. 14. No. 4. P. 481–505. <https://doi.org/10.1093/cjip/poab014>
- Burlyuk O., Shapovalova N. “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine // *East European Politics*. 2017. Vol. 33. No. 1. P. 36–55. <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1280470>
- Carothers T., de Gramont D. Development Aid Confronts Politics: The Almost Revolution. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 360 p.
- Chang H-J. Kicking Away the Ladder. London: Anthem Press, 2002. 187 p.
- Darden T. Aiding and Abetting: U.S. Foreign Assistance and State Violence. Stanford: Stanford University Press, 2020. 198 p.
- Diamond L. Democracy's Arc: From Resurgent to Imperiled // *Journal of Democracy*. 2022. Vol. 33. No. 1. P. 163–179.
- Dreher A., Fuchs A., Parks B., Austin S., Tierney M. Apples and dragon fruits: the determinants of aid and other forms of state financing from China to Africa // *International Studies Quarterly*. 2018. Vol. 62. No. 1. P. 182–194. <https://doi.org/10.1093/isq/sqx052>
- Easterly W. The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor. New York: Basic Books, 2014. 416 p.
- Easterly W. Can Foreign Aid Buy Growth? // *The Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. No. 3. P. 23–48. DOI: 10.1257/089533003769204344
- Esteve G. What is Development? // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2018. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.360>

- Frank A.G. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. New York: Monthly Review Press, 1967. 298 p.
- Global Political Economy / ed. by J. Ravenhill. Oxford: Oxford University Press, 2020. 536 p.
- Hammond D., Brady T. Critical minerals for green energy transition: A United States perspective // *International Journal of Mining, Reclamation and Environment*. 2022. Vol. 36. No. 9. P. 624–641. <https://doi.org/10.1080/17480930.2022.2124788>
- Huo S., Parmar I. 'A new type of great power relationship'? Gramsci, Kautsky and the role of the Ford Foundation's transformational elite knowledge networks in China // *Review of International Political Economy*. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 234–257. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1625427>
- Kearns D. The crisis of American soft power // *Journal of Political Power*. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 397–414. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2022.2127277>
- Krige J. *American hegemony and the postwar reconstruction of science in Europe*. Cambridge: MIT Press, 2006. 392 p.
- Lei W. Global Development Initiative: An International Public Goods to Promote Common Development // *China Economist*. 2022. Vol. 17. No. 4. P. 13–25.
- McNally C. Chaotic mélange: neo-liberalism and neo-statism in the age of Sino-capitalism // *Review of International Political Economy*. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 281–301. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1683595>
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III William W. *The Limits to Growth; A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books, 1972. 205 p.
- Morgenthau H. A Political Theory of Foreign Aid // *The American Political Science Review*. 1962. Vol. 56. No. 2. P. 301–309.
- Nowak-Lehmann F., Martínez-Zarzoso I., Herzer D., Klasen S., Cardozo A. Does foreign aid promote recipient exports to donor countries? // *Review of World Economics*. 2013. Vol. 149. No. 3. P. 505–535.
- Nye J. *Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China*. Cambridge: Springer, 2023. 217 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-99-0714-4>
- Pellicciari I. Aid in War or Aid to War? Foreign Aid in the 2022 War in Ukraine // *The Review of International Affairs*. 2022. No. 1186. P. 61–78. DOI: 10.18485/iipe_ria.2022.73.1186.3
- Phillips N. The Political Economy of Development // *Global Political Economy* / ed. by J. Ravenhill. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 354–383. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198820642.003.0013>
- Power M. *Geopolitics and Development*. London: Routledge, 2019. 410 p.
- Power S. How Democracy Can Win: The Right Way to Counter Autocracy // *Foreign Affairs*. 2023. Vol. 102. No. 2. P. 22–37.
- Ray K. The Last Refuge of the Noble Savage? A Critical Assessment of Post-Development Theory // *European Journal of Development Research*. 1999. Vol. 11. No. 1. P. 30–55. <https://doi.org/10.1080/09578819908426726>
- Regime S., Hodzi O. Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers // *The International Spectator*. 2021. Vol. 56. No. 2. P. 114–131. <https://doi.org/10.1080/03932729.2020.1855904>
- Rühlig T. Chinese Influence through Technical Standardization Power // *Journal of Contemporary China*. 2023. Vol. 32. No. 139. P. 54–72. <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2052439>
- Sachs J. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. New York: Penguin Books, 2005. 396 p.
- Sachs W. On the Archaeology of the Development Idea // *Sustainability*. Critical Concepts in the Social Sciences / ed. by M. Redclift. London: Taylor & Francis, 2005. P. 149–164.
- Shambaugh D. *China Goes Global: The Partial Power*. New York: OUP USA, 2013. 432 p.
- Singer H. The 1980s: A Lost Decade – Development in Reverse? // *Growth and External Debt Management* / ed. by H. Singer, S. Sharma. London: Palgrave Macmillan, 1989. P. 46–56.
- Sodré M., Hespanhol R. Limits of Post-Development in the Critique of Development // *Mercator, Fortaleza*. 2022. Vol. 21. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.4215/rm2022.e21001>
- Sparking Europe's New Industrial Revolution. A policy for net zero, growth and resilience / ed. by S. Tagliapietra, R. Veugelers. Brussels: Bruegel, 2023. 271 p.
- Stewart F. *A Basic Needs Approach to Development* // *Planning to Meet Basic Needs*. London: Palgrave Macmillan, 1985. P. 1–13. https://doi.org/10.1007/978-1-349-17731-8_1
- Sun S., Xu X., Zhao X. China's Foreign Aid Training: Targeting Becoming an Influential Culture Sharer // *Journal of Asian and African Studies*. 2021. Vol. 56. No. 4. P. 851–871. <https://doi.org/10.1177/0021909620946351>
- Telias D., Urdinez F. China's Foreign Aid Political Drivers: Lessons from a Novel Dataset of Mask Diplomacy in Latin America during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Vol. 51. No. 1. P. 108–136. <https://doi.org/10.1177/18681026211020763>

- The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power / ed. by W. Sachs. London: Zed Books, 2010. 352 p.
- The Global Third Way Debate / ed. by A. Giddens. Cambridge: Polity, 2001. 431 p.
- Wu Y., Zhang M. China International Development Cooperation Agency: Establishment, Improvement, and Limitations // *Journal of Global and Area Studies*. 2021. Vol. 5. No. 1. P. 63–83. DOI: 10.31720/JGA.5.1.4
- Ye M. The Dragon's gift: an empirical analysis of China's foreign aid in the new century // *International Trade, Politics and Development*. 2022. Vol. 6. No. 2. P. 73–86. <https://doi.org/10.1108/ITPD-06-2022-0010>
- Youngs R., Zihnioglu O. EU Aid Policy in the Middle East and North Africa: Politicization and its Limits // *Journal of Common Market Studies*. 2021. Vol. 59. P. 126–142.
- Zhang D., Smith G. China's foreign aid system: structure, agencies, and identities // *Third World Quarterly*. 2017. Vol. 38. No. 9. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/01436597.2017.1333419>

TRANSFORMATION OF DEVELOPMENT ASSISTANCE UNDER GREAT POWER RIVALRY

A STUDY OF USA, EU, AND PRC POLICIES

VYACHESLAV SUTYRIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The paper deals with official development assistance (ODA) policies of the USA, the EU and China in the comparative context of latest developments. The development approaches of the three actors under investigation demonstrate common features as well as idiosyncrasies in terms of management, resources, and ideological justification. All actors strive towards complex model of influence through ODA including tying together economic projects with sociocultural heft and security. The underlying trends characteristic of the USA, and in significant degree of the EU approaches combine traditional aim of reshaping sociopolitical institutions of target countries with growing securitization concerns. In the case of the U.S., one can speak of 'militarization' of ODA which means blurring the lines between military aid (and goal-setting) and traditional development assistance. China is on the way of reforming its international development cooperation industry, seeking to transform it into a more complex toolset of influence, better coordinated, and more closely knit to foreign policy and security objectives. In contrast to the Western paradigm, Beijing avoids imposing its model of development and threat perception upon the aid-recipient countries. The analysis concludes that "soft power" concept is being sidelined in the world of great power rivalry by more complex and hybrid formats of foreign influence which combine sociocultural, political, geoeconomic, and military instruments, with development assistance playing a role of one of the primary foreign policy resources. New dimensions of rivalry associated with industrial and technological race in energy, climate, and supply chains are coming to the fore in ODA policies. The role of sociocultural influence toolkit is growing given information and communication technologies progress, proliferation of non-state actors in international relations, and increasing activity of China in the area, which challenges the dominant positions the Western actors have enjoyed for over 30 years.

Keywords:

official development assistance; great power rivalry; development aid; ODA; sociocultural influence; soft power; diplomacy USA; China; European Union

References

- Baranovskiy V.G., Kashnin Yu.D., Toganova N.V. (eds.). (2018). *Sodeystvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshney politiki: zarubezhnyy opyt* [Development assistance as a foreign policy tool: foreign practices]. Moscow: IMEMO RAN. 248 p.
- Bartenev V.I. (2017). Bezopasnost' ili razvitie? [Security or Development?]. *Sovremennaya Evropa*. No. 6. P. 47–57.
- Bartenev V.I. (2020). *Blizhniy Vostok i Severnaya Afrika v aktual'noy statistike ofitsial'noy pomoshchi razvitiyu* [Middle East and Modern Africa: the relevant data on official development assistance]. M.: MGU im. M.V.Lomonosova. 54 p.
- Bartlett W. (2021). International assistance, donor interests, and state capture in the Western Balkans. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 29. No. 2. P. 157–168. <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1794801>
- Bogaturov A.D. (1999). «Sindrom pogloshcheniya» v mirovoy politike [The “absorbing syndrome” in world politics]. *Pro et Contra*. No. 4. P. 28–48.
- Bossuyt F. (2022). Communal self-governance as an alternative to neoliberal governance: proposing a post-development approach to EU resilience-building in Central Asia. *Central Asian Survey*. Vol. 41. No. 4. P. 788–807. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2058913>
- Bowen Yu. (2021). Cognitive Evolution and China's International Development Cooperation. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 14. No. 4. P. 481–505. <https://doi.org/10.1093/cjip/poab014>
- Burlyuk O., Shapovalova N. (2017). “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine. *East European Politics*. Vol. 33. No. 1. P. 36–55. <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1280470>
- Carothers T., de Gramont D. (2013). *Development Aid Confronts Politics: The Almost Revolution*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 360 p.
- Chang H. (2002). *Kicking Away the Ladder*. London: Anthem Press. 187 p.
- Darden T. (2020). *Aiding and Abetting: U.S. Foreign Assistance and State Violence*. Stanford: Stanford University Press. 198 p.
- Diamond L. (2022). Democracy's Arc: From Resurgent to Imperiled. *Journal of Democracy*. Vol. 33. No. 1. P. 163–179.
- Dreher A., Fuchs A., Parks B., Austin S., Tierney M. (2018). Apples and dragon fruits: the determinants of aid and other forms of state financing from China to Africa. *International Studies Quarterly*. Vol. 62. No. 1. P. 182–194. <https://doi.org/10.1093/isq/sqx052>
- Easterly W. (2014). *The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor*. New York: Basic Books. 416 p.
- Easterly W. (2003). The Journal of Economic Perspectives. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. No. 3. P. 23–48. DOI: 10.1257/089533003769204344
- Esteve G. (2018). What is Development? *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.360>
- Frank A. G. (1967). *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. New York: Monthly Review Press. 298 p.
- Gaman-Golutvina O.V., Ponomareva E.G., Shishelina L.N. (2014). «Vostochnoe partnerstvo»: bor'ba stsenariyev razvitiya [EU's Eastern Partnership: rival development scenarios]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 20–40.
- Giddens A. (ed.). (2001). *The Global Third Way Debate*. Cambridge: Polity. 431 p.
- Glazunova E. N. (2016). Svyazka «Bezopasnost' – razvitie»: rozhdenie kontsepta i ego evolyutsiya v gody «Kholodnoy voyny» [‘Security-Development Nexus’ Concept: Emergence and Evolution During the Cold War]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 1. P. 8–38.
- Glazunova E.N. (2012). U istokov sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu: amerikanskaya programma tekhnicheskoy pomoshchi razvivayushchimsya stranam [At the Origins of International Development Cooperation: the U.S. Program of Technical Assistance to Underdeveloped Countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 2. P. 126–157.
- Gromyko A.I.A. (2022). Sovremennyy mir: razgon protivostoyaniya «velikh derzhav» [A modern world: the acceleration of great power struggle]. *Evropa v krizisnom mire*. Moscow: «Ves' mir». P. 11–26.
- Gushchin A.V., Levchenkov A. S. (2019). Zapadnyy flang postsovet'skogo prostranstva i programma «Vostochnoe partnerstvo»: opyt i perspektivy vzaimodeystviya [The Western Flank of the Post-Soviet Space and the “Eastern Partnership”: Experience and Prospects of Cooperation]. *Sovremennaya Evropa*. No. 7. P. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019105114>

- Hammond D., Brady T. (2020). Critical minerals for green energy transition: A United States perspective. *International Journal of Mining, Reclamation and Environment*. Vol. 36. No. 9. P. 624–641. <https://doi.org/10.1080/17480930.2022.2124788>
- Huo S., Parmar I. (2020). 'A new type of great power relationship'? Gramsci, Kautsky and the role of the Ford Foundation's transformational elite knowledge networks in China. *Review of International Political Economy*. Vol. 27. No. 2. P. 234–257. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1625427>
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2020). Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voenno-politicheskogo dominirovaniya [Alliances at the service of hegemony: deconstruction of the military domination toolbox]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02
- Kalashnikov D.B. (2021). Kitayskaya pomoshch' razvitiyu: ofitsial'nye i istinnye tseli [Chinese development assistance: official and true goals]. *Mirovye i natsional'noe khozyaystvo*. No. 57. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (accessed: 26.05.2023).
- Kearn D. (2022). The crisis of American soft power. *Journal of Political Power*. Vol. 15. No. 3. P. 397–414. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2022.2127277>
- Khakhalkina E.V., Pogorelskaja A.M. (2022). Sodeystvie razvitiyu ili upravlenie migratsiyey (analiz evropeyskogo podkhoda) [Development policy or migration management? (The EU approach analysis)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. P. 80–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-80-89>
- Komissina I.N. (2022). Standartizatsiya v Kitae: sovremennye trendy i perspektivy razvitiya [Standardisation in China: recent trends and development prospects]. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 1. P. 191–218. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_191
- Krige J. (2006). *American hegemony and the postwar reconstruction of science in Europe*. Cambridge: MIT Press. 392 p.
- Lei W. (2022). Global Development Initiative: An International Public Goods to Promote Common Development. *China Economist*. Vol. 17. No. 4. P. 13–25.
- Lomanov A.V. (2022). Prava cheloveka v sovremennoy ideologii Kommunisticheskoy partii Kitaya [Human rights in modern ideology of the Communist Party of China]. *Orientalistika*. Vol. 5. No. 4. P. 882–897. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>
- Lomanov A.V. (2017). Strategiya kul'turnogo vliyaniya Kitaya v proekte «Odin poyas, odin put'» [The Strategy of China's Cultural Influence in the "One Belt One Road" Project]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. Vol. XXII. Moscow: IDV RAN. P. 52–63.
- Maslov A.A. (2020). Problema «dolgovykh lovushek» v ramkakh kitayskoy initsiativy «Poyas i Put'» [The problem of "debt traps" as a part of the Chinese "Belt and Road" Initiative]. *Aktual'nye voprosy izucheniya istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i kultur stran Vostoka*. Novosibirsk: NGU. P. 6–15.
- Maslov A.A. (2021). Transformatsiya analiticheskikh tsentrov kak elementa «myagkoy sily» Kitaya v 2010–2020 gg. [Transformation of analytical centers as an element of Chinese "soft power" in the 2010–2020]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 14. No. 4. P. 6–22. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>
- McNally C. (2020). Chaotic mélange: neo-liberalism and neo-statism in the age of Sino-capitalism. *Review of International Political Economy*. Vol. 27. No. 2. P. 281–301. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1683595>
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III William W. (1972). *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books. 205 p.
- Morgenthau H. (1962). A Political Theory of Foreign Aid. *The American Political Science Review*. Vol. 56. No. 2. P. 301–309.
- Morozkina A. (2019). Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu: tendentsii poslednego desyatiletiya [Official development assistance: trends of the recent decade]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 9. P. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92
- Nowak-Lehmann F., Martínez-Zarzoso I., Herzer D., Klasen S., Cardozo A. (2013). Does foreign aid promote recipient exports to donor countries? *Review of World Economics*. Vol. 149. No. 3. P. 505–535.
- Nye J. (2023). *Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China*. Cambridge: Springer. 217 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-99-0714-4>
- Pellicciari I. (2022). Aid in War or Aid to War? Foreign Aid in the 2022 War in Ukraine. *The Review of International Affairs*. No. 1186. P. 61–78. DOI: 10.18485/iipe_ria.2022.73.1186.3
- Phillips N. (2020). The Political Economy of Development. In J. Ravenhill (ed.) *Global Political Economy*. Oxford: Oxford University Press. P. 354–383. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198820642.003.0013>

- Piketi T. (2016). *Kapital v XXI veke* [Capital in the XXI century]. Moscow: Ad Marginem. 592 p.
- Power M. (2019). *Geopolitics and Development*. London: Routledge. 410 p.
- Power S. (2023). How Democracy Can Win: The Right Way to Counter Autocracy. *Foreign Affairs*. Vol. 102. No. 2. P. 22–37.
- Ravenhill J. (ed.). (2020). *Global Political Economy*. Oxford: Oxford University Press. 536 p.
- Ray K. (1999). The Last Refuge of the Noble Savage? A Critical Assessment of Post-Development Theory. *European Journal of Development Research*. Vol. 11. No. 1. P. 30–55. <https://doi.org/10.1080/09578819908426726>
- Regime S., Hodzi O. (2021). Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers. *The International Spectator*. Vol. 56. No. 2. P. 114–131. <https://doi.org/10.1080/03932729.2020.1855904>
- Romanova T.A. (2017). Kategoriya «stressoustoychivost'» v Evropeyskom soyuze [Resilience category in the European Union]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4. P. 17–28.
- Rühlig T. (2023). Chinese Influence through Technical Standardization Power. *Journal of Contemporary China*. Vol. 32. No. 139. P. 54–72. <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2052439>
- Sachs J. (2005). *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. New York: Penguin Books. 396 p.
- Sachs W. (2005). On the Archaeology of the Development Idea. In M. Redclift (ed.) *Sustainability. Critical Concepts in the Social Sciences*. London: Taylor & Francis. P. 149–164.
- Sachs W. (ed.). (2010). *The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power*. London: Zed Books. 352 p.
- Saks Dzh. (2022). *Epokhi globalizatsii: geografiya, tekhnologii, instituty* [The Ages of Globalization: Geography, Technology, and Institutions]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 368 p.
- Shambaugh D. (2013). *China Goes Global: The Partial Power*. New York: OUP USA. 432 p.
- Shakleina T.A. (2015). Liderstvo i sovremennyy mirovoy poryadok [Leadership and contemporary world order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 4. P. 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
- Shakleina T.A. (2021). Novyy etap v formirovanii mirovogo poryadka. Plany SShA po upravleniyu mezhdunarodnoy konkurentsiy [New stage in the global order formation us plans on management of great power rivalries]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 3. P. 6–21. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.3.66.6>
- Shakleina T.A. (2022). Perelomnyy moment v mirovom razvitii. Sokhranit li zapad preobladayushchee vliyaniye na formirovaniye mirovogo poryadka XXI veka? [Turning point in global development. Will the West keep its predominant influence on world order in the 21st century?] *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 4. P. 6–22. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>
- Shcherbunov V. (2022). Kontseptsii «upravlyaemoy konkurentsii» v voenno-politicheskikh otnosheniyakh SShA i Kitaya. Teoreticheskoe osmysleniye i prakticheskoe voploshcheniye [The “managed competition” concept in the US–China security nexus. Theoretical analysis and practical implementation]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 4. P. 93–118. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.6>
- Singer H. (1989). The 1980s: A Lost Decade – Development in Reverse? In H. Singer, S. Sharma, (eds.) *Growth and External Debt Management*. London: Palgrave Macmillan. P.46–56.
- Soboleva E.A., Krivokhizh S.V. (2020). Liderstvo v mnogopol'yarnom mire: politika Kitaya v Tsentral'noy Azii [Leadership in the Multipolar World: China's Strategy in Central Asia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 18. No. 1. P. 119–134. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.7
- Sodré M., Hespagnol R. (2022). Limits of Post-Development in the Critique of Development. *Mercator, Fortaleza*. Vol. 21. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.4215/rm2022.e21001>
- Stewart F. (1985). A Basic Needs Approach to Development. In F. Stewart *Planning to Meet Basic Needs*. London: Palgrave Macmillan. P. 1–13. https://doi.org/10.1007/978-1-349-17731-8_1
- Sun S., Xu X., Zhao X. (2021). China's Foreign Aid Training: Targeting Becoming an Influential Culture Sharer. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 56. No. 4. P. 851–871. <https://doi.org/10.1177/0021909620946351>
- Sutyurin V.V. (2021). Transformatsiya publichnoy diplomatii ES: ot soderzhatel'nogo krizisa k povestke vneshney ugrozy [EU Public Diplomacy Transformation: From the Crisis of Substance to External Threat]. *Sovremennaya Evropa*. No. 6. P. 17–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620211729>
- Sutyurin V.V. (2022). Finansy dlya liberal'nogo poryadka: sravnitel'nyy analiz mezhdunarodnoy deyatel'nosti politicheskikh fondov FRG i filantropicheskikh fondov SShA [International activities of German political foundations and American philanthropic funds. A comparative analysis.]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 3. P. 55–79. DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.5
- Tagliapietra S., Veugelers R. (eds.). (2023). *Sparking Europe's New Industrial Revolution. A policy for net zero, growth and resilience*. Brussels: Bruegel. 271 p.

- Telias D., Urdinez F. (2022). China's Foreign Aid Political Drivers: Lessons from a Novel Dataset of Mask Diplomacy in Latin America during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol. 51. No. 1 P. 108–136. <https://doi.org/10.1177/18681026211020763>
- Vinogradov A. (2021). Kitayskiy proekt dlya bol'shoy Evrazii [China's project for Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 2. P. 6–20. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2
- Wu Y., Zhang M. (2021). China International Development Cooperation Agency: Establishment, Improvement, and Limitations. *Journal of Global and Area Studies*. Vol. 5. No. 1. P. 63–83. DOI: 10.31720/JGA.5.1.4
- Ye M. (2022). The Dragon's gift: an empirical analysis of China's foreign aid in the new century. *International Trade, Politics and Development*. Vol. 6. No. 2. P. 73–86. <https://doi.org/10.1108/ITPD-06-2022-0010>
- Youngs R., Zihnioğlu O. (2021). EU Aid Policy in the Middle East and North Africa: Politicization and its Limits. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 59. P.126–142.
- Zhang D., Smith G. (2017). China's foreign aid system: structure, agencies, and identities. *Third World Quarterly*. Vol. 38. No. 9. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/01436597.2017.1333419>